

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

Рис. Л. Вачулайтиса

Фантастическая повесть

...И снова я пропустил важный момент появления планеты. Она простиралась огромная и плоская; по очертаниям ее поверхности мне стало ясно, что я еще далеко. Точнее говоря — высоко, ибо неуловимая грань, когда расстояние до небесного тела становится высотой, осталась уже позади. Я падал. Все еще падал. Я чувствовал это даже с закрытыми глазами.

Дождавшись тишины, я возобновил вызовы. И на этот раз ответа не последовало. В наушниках залпами слышалась треск разрядов атмосферного электричества. Фон обладал таким глубоким и низким тоном, что, казалось, это голос самой планеты. Неожиданно оранжевое небо в диоптрии заслонилось будто зонтиком. Стекло диоптрии потемнело; я невольно съежился, насколько это позволял пневматический бандаж, но уже в следующее мгновение понял, что это — облака. Они лавиной промчались мимо. Падение продолжалось, и я находился то на солнце, то в тени — ракета вращалась вокруг своей вертикальной оси, — и ог-

Станислава Лема не нужно представлять советскому читателю. Он хорошо известен у нас как автор научно-фантастических романов, повестей, рассказов, в которых смело рисует картины мира будущего.

«Соларис» — последняя книга Лема. Взяя за основу традиционную схему — единственная планета и приключения людей, разгадывающих ее тайны, — Лем строит сложную и оригинальную фабулу. Его интересуют возможности человеческого познания, сложность восхождения к новым высотам науки, проблемы высших форм жизни.

Как установить контакт с живым существом, строение и характер которого ничем не напоминают привычные и знакомые нам формы? Возможно ли это принципиально? Над разрешением этих проблем бьются герои Лема. Только качественно иной подход к этим проблемам позволяет им найти возможности для новых поисков.

Героям романа не удается разгадать до конца тайну океана, они делают лишь первые шаги. Но когда-нибудь люди, говорит писатель, сумеют это сделать. От человека у природы не может быть тайн.

ромный, точно разбухший, солнечный диск равномерно скользил мимо моего лица слева направо. Вдруг сквозь шум и треск до моего слуха донесся далекий голос:

— Пришельцу на Станцию Соларис, Пришельцу на Станцию Соларис. Все в порядке. Пришелец — под контролем Станции. Пришельцу на Станцию Соларис — готовность к нулевому моменту. Повторяю, готовность к нулевому моменту. Внимание, начинаю. Двести пятьдесят, двести сорок девять, двести сорок восемь...

Между отдельными словами слышалось короткое звывание, свидетельствовавшее о том, что это говорит не человек. Странно. Обычно при появлении нового — особенно, если с Земли, — все живые бегут к летнему полю...

События стали развиваться с поразительной быстрой. До этого я только знал, что падаю. Теперь я это ощущал. Бело-зеленые квадратики резко увеличивались, и я уже различал, что они накрашены на серебристом китообразном корпусе, по бокам которого, между ощетинившихся игл радарных антенн, виднелись ряды темных глазниц окон. Я видел, что этот металлический колoss не имеет опоры на поверхности планеты, а висит над нею, бросая на темный чернильный фон еще более черную свою тень. Одновременно я заметил фиолетовые, легко колыхавшиеся гряды волны океана. Потом облака со своей яркой пурпурной бахромой неожиданно унеслись прочь, оранжевое небо стало далеким и плоским, и все расплылось: я очутился в штопоре. Прежде чем я успел среагировать, короткий толчок вернул ракете вертикальное положение, в диоптрии как живое серебро засверкало до самого горизонта волнующий океан; тросы парашюта с кольцами неожиданно отцепились, и унесенные ветром разметались над волнами. Сама ракета мягко качнулась в том особом замедленном движении, которое характерно для искусственного силового поля, и скользнула вниз. Последним, что я успел заметить, были фермы аэронакатапульты и два гигантских зеркала радиотелескопа. Что-то с резким пронизывающим звуком, как при ударе стали о сталь, остановило ракету. Что-то подо мною открылось, и с протяжным хрюком металлическая оболочка, в которую я был заключен, закончила свое далекое путешествие.

Я находился в выгнутом высоко кверху воронкообразном помещении. Вдоль серебристых стен, ныряя в круглые люки, тянулись гирлянды разноцветных труб и проводов. Я осмотрелся. Гудели вентиляторы, всасывая ядовитую атмосферу планеты, попавшую в момент посадки в помещение. По небольшому стапелю я спустился вниз. Компрессоры вентиляторов неожиданно смолкли, и воцарилась полная тишина. Несколько беспомощно я огляделся вокруг, ожидая появления какого-нибудь человека, но поблизости по-прежнему никого не было. Лишь пылающая неоновая стрела указывала на приведенную в движение ленту эскалатора, которая бежала без малейшего шума. Я встал на нее. Красивая параболическая линия свода тоннеля сбегала вниз, переходя в потолок трубоподобного коридора. Эскалатор кончался у места расширения коридора, где он принимал цилиндрическую форму. Здесь царил чудовищный беспорядок. Под грудой жестяных банок виднелась лужа маслянистой жидкости. Острый неприятный запах распространялся вокруг. В разные стороны вели жирные отчетливые следы. Среди жестяных банок были разбросаны обрывки телеграфных лент, рваная бумага, мусор.

Снова зажглась зеленая стрела, указывавшая на среднюю дверь. За нею тянулся до того узкий коридор, что в нем вряд ли могли разойтись два человека. Свет поступал сверху; сквозь линзообразные стекла окон виднелось небо планеты. Снова дверь с бело-зелеными квадратиками. Она была приоткрыта, и я вошел. В шарообразное помещение свет поступал через большое панорамное окно; в нем пылали окутанные дымкой небеса. Внизу без единого звука ворочались темные волны. Многочисленные стенные шкафчики были открыты настежь, и в них виднелись инструменты, книги, стаканы с присохшими ко дну осадками, запаянны е термосы. На грязном полу стояло пять или

шесть механических шагающих столиков, рядом с ними — несколько надувных кресел. Они были дряблыми, за исключением одного, на котором сидел маленький тщедушный человечек с сильно загоревшим лицом. Кожа большими пятнами облезла у него на носу и на скулах. Я узнал в нем кибернетика Снаута, заместителя Гибариана, который в свое время опубликовал несколько оригинальных статей в соларистическом альманахе. Он смотрел на меня, будто ослепленный неожиданно ярким светом, и лицо его стало по-немногу бледнеть. Я был слишком поражен, чтобы сказать хоть слово, и эта немая сцена продолжалась до тех пор, пока испуг Снаута не передался каким-то образом мне самому. Я шагнул ближе, и он съежился в своем кресле.

— Снаут... — прошептал я. Он вздрогнул, как от удара, и, глядя на меня с неописуемым отвращением, выпалил:

— Не знаю, не знаю тебя. Что тебе нужно?..

Почему Снаут так испугался? Я все еще стоял посередине комнаты, ноги у меня подгибались. Почувствовал я, что я ощущал очень слабо. За выгнутыми стеклами окон равномерно дышал океан. Снаут отвел от меня залитые кровью глаза. Страх начал отступать с его лица, но выражение неописуемого отвращения по-прежнему не исчезало.

— Что с тобой? — спросил я вполголоса. — Ты болен?

— Заботишься... — сказал он глухо. — Ага. Значит, ты будешь заботиться, что ли? Но почему обо мне? Я тебя не знаю.

— Где Гибариан? — спросил я, и у Снаута на мгновение перехватило дыхание. Глаза его снова стали стеклянными, что-то вспыхнуло в них и погасло.

— Ги... гиба... — он зажался. — Нет! Нет!!!

Его стал душить приступ беззвучного идиотского смеха, который так же неожиданно прекратился.

— Ты пришел к Гибариану? — сказал Снаут почти спокойно. — К Гибариану? Что ты собираешься с ним делать?

Исследователь планеты смотрел на меня так, будто я перестал быть для него опасным: в его словах, а особенно в тоне скользило что-то враждебное и оскорбительное.

— Что ты говоришь? — пробормотал я. — Где Гибариан?

— Ты не знаешь?..

Пьян, подумал я. Напился до беспамяти. Меня охватила нарастающая злоба. По правде говоря, я должен был уйти, но мое терпение лопнуло.

— Опомнись! — закричал я. — Как я могу знать, где Гибариан, если я только что прилетел! Что с тобой стряслось? Снаут!!!

Челюсть у него отвисла. У него на какое-то мгновение снова перехватило дыхание, однако глаза его вдруг снова засияли. Дрожащими руками он оперся о подлокотники кресла и с трудом встал.

— Что? — спросил он, как бы отрезвев. — Прилетел? Откуда же ты прилетел?

— С Земли, — сердито ответил я. — Ты что-нибудь слышал о ней? Сдается мне, что нет!

— С Зе... святые боги! так, значит, ты Келвин?!

— Да. Почему ты так смотришь на меня? Что тут особыенного?

— Ничего, ничего, — сказал Снаут, часто моргая. Потом он стал тереть лоб,

— Прости, Келвин. Знаешь, это для меня сюрприз. Я совсем этого не ждал.

— Как это — не ждал? Вам же известно несколько мес- сяцев назад...

— Да, да... наверное, только видишь, какой здесь ералаш...

— Действительно, — сухо ответил я. — Этого трудно не заметить.

Снаут обошел вокруг меня, будто хотел удостовериться, что скафандр у меня настоящий, потом пару раз кашлянул и потрогал свой костлявый нос.

— Может, хочешь умыться? Это будет тебе полезно... Синяя дверь напротив.

— Спасибо, с расположением станции я знаком... Где Гибариан?

Он стоял у окна и будто не слышал моего вопроса. После продолжительного молчания, наконец, сказал:

— Послушай, к этому моменту только я... — он отвернулся и нервно сжал руки. — Тебе придется довольствоваться моим обществом.

— Где Гибариан? — упрямо повторил я.

— Сожалею, что так тебя встретил. В этом не только моя вина. Я совсем забыл, здесь так много произошло такого, знаешь...

— Все в порядке, — ответил я. — Что же все-таки случилось с Гибарионом? Здесь, на станции, его нет? Куда-нибудь улетел?

— Нет, никуда не улетел. И не улетит...

— Что это значит? — спросил я. В ушах у меня по-

прежнему была вата и, казалось, я хуже слышу.

— Где он? Несчастный случай?

Снаут утвердительно кивнул.

— Когда это произошло?

— Сегодня с утра.

Странно, но я не испытывал никакого волнения. Этот скатый диалог, в котором короткие вопросы чередовались с отрывистыми ответами, меня совсем не успокоил. Я совсем не понимал странного поведения Снаута.

— Иди переоденься, приведи себя в порядок и возвращайся сюда через часок.

Хорошо.

— Подожди, — донеслось до меня, когда я направился к дверям. Снаут как-то странно смотрел на меня. Я видел, что он никак не решается сказать мне еще что-то.

— Нас было трое, и теперь с тобой нас снова трое. Ты знаешь Сарториуса?

— Так же, как тебя. По фотографиям.

— Он работает наверху, в лаборатории, и я не думаю, что он раньше, чем ночью, оттуда выберется. Ты его наверняка знаешь. Если ты встретишь кого-нибудь другого, понимаешь, не меня и не Сарториуса, то понимаешь, тогда...

— Что тогда?

— Тогда... не делай ничего.

— Кого же я могу встретить? Привидение? — взорвался я.

— Понятно. Ты думаешь, что я сошел с ума. Нет. Я не сумасшедший. Я не могу тебе объяснить этого иначе. Возможно, ничего и не случится. На всякий случай запомни. Я тебя предупредил.

— О чём? О чём ты говоришь?

— Возьми себя в руки, — Снаут упрямо продолжал. — Веди себя так, как будто ты готов ко всему. Это невозможно, знаю. И все же попытайся. Это мой единственный совет. Ничего другого я тебе пока не могу сказать.

— Но этого я увижу!!! — закричал я во весь голос. Я с трудом удержался, чтобы не схватить его за плечи и не встремянуть как следует. Когда он вот так сидел с измученным, опаленным солнцем лицом, уставясь в угол, я видел, как трудно ему выдавить из себя каждое слово.

— Не знаю. В известной степени это зависит от тебя самого.

— Галлюцинации?

— Нет. Это нечто реальное. И... не нападай. Помни.

Я резко повернулся и вышел.

Трубоподобный коридор был пуст. Странное предупреждение еще звенело у меня в ушах. Я находился в круглом помещении с пятью дверьми. На трех были дощечки: «Др. Гибариан», «Др. Снант», «Др. Сарториус». А на четвертой не было никакой надписи. Мгновение я колебался, потом осторожно нажал на ручку и легко приоткрыл дверь. Я был почти уверен, что там кто-то есть. Однако там никого не оказалось.

Я стащил с себя скафандр, эту тяжелую, скрипучую оболочку, сбросил пропитанное потом трико, трусики, сетку и, нагой, побежал под душ. С несказанным наслаждением отдался власти воды.

Я извивался под сильными горячими струями, массировал тело. Фыркая, старался смягчить с себя всю эту нереальность, всю смутную и тревожную неопределенность, которая царила на Станции.

В шкафу я нашел себе легкий тренировочный костюм, который можно было носить также под скафандром, и перебрал в кармане все свое нехитрое имущество. Мне пришло в голову, что здесь неплохо было бы иметь как-нибудь оружие. Таковым, без сомнения, нельзя было считать универсальный карманный нож, но ничего другого у меня не было.

Я уселился на металлическую табуретку посредине пустой комнаты. Мне хотелось побывать одному...

Я вздрогнул, потому что неожиданно вспыхнул свет. По-видимому, это сработал фотоэлемент, почувствовавший наступление сумерек. Придвинув стул к книжной полке, я взял с нее хорошо знакомый мне второй том монографии Хьюджеса и Эйгеля «История Соларис». Подперев коленом толстый, жесткий переплет, стал листать,

Соларис была открыта почти за сто лет до моего рождения и почти сразу же вызвала острый интерес. Планета обращается вокруг двух солнц — красного и голубого. Согласно первоначальным расчетам, благодаря изменению гравитационных полей она должна была в течение пятисот тысяч лет приблизиться к своему красному солнцу на расстояние, равное половине астрономической единицы, а спустя еще миллион лет — упасть на его раскаленную поверхность.

Однако уже через полтора десятка лет обратили внимание, что ее траектория совершенно не образует ожидаемых изменений и является такой же устойчивой, как и траектория планет нашей солнечной системы.

Были повторены, на этот раз со всей возможной точностью, наблюдения и расчеты, которые лишь подтвердили то, что было известно до этого: орбита Соларис должна быть неустойчивой.

И тогда из планеты, каких в год открывают сотнями и упоминают в астрономических бюллетенях несколькоими строчками сведений об элементах их движения, Соларис перешла в ранг небесного тела, заслуживающего особенного внимания.

Года через четыре после этого ее облетела экспедиция Оттеншельда, члены которой исследовали Соларис с борта двух разведывательных кораблей. На орбиты вдоль экватора планеты и от полюса к полюсу было запущено большое количество автоматических спутников-наблюдателей. Была исследована поверхность планеты, почти целиком покрытая океаном, и немногочисленные, вздымающиеся над его уровнем плоскогорья. Общая площадь их не превышала площасти Европы, хотя диаметр Соларис был на одну пятую больше, чем у Земли. Эти клочки скалистых и пустынной суши, беспорядочно разбросанные, сосредоточены в основном в южном полушарии.

Был исследован также состав атмосферы, лишенной кислорода, и произведены довольно тщательные измерения плотности планеты, ее альбедо и других астрономических величин.

Как и ожидалось, никаких следов жизни ни на суше, ни в океане обнаружить не удалось.

В течение следующих десяти лет Соларис, теперь уже находящаяся в центре внимания всех обсерваторий этого района, проявляла поразительную тенденцию к сохранению своей, вне всяких сомнения, гравитационно неустойчивой орбиты. Некоторое время дело даже пахло скандалом, так как вину за такие результаты наблюдений пытались свалить (заботясь о благе науки) то на определенных лиц, то на счетные машины, которыми они пользовались.

Отсутствие средств задержало высылку хорошо подготовленной экспедиции на Соларис еще на три года, пока Шэннахан, скомплектовав экипаж, не получил от Института три корабля тоннажа С, то есть космодромического класса. За полтора года до прибытия этой экспедиции — она стартовала из района альфы Водолея — корабли

второго исследовательского флота приблизились к планете и вывели на орбиту вокруг нее автоматический сателлоид — Луну 247. Данные, которые он собрал, подтвердили в конце концов гипотезу Оттеншельда и его сотрудников об активном характере движений океана.

Один из кораблей Шэннахан остался на высокой орбите, два же других спустились на скалистом участке суши, у южного полюса планеты, площадью приблизительно в шестьсот квадратных миль.

Когда экспедиция спустя восемнадцать месяцев закончила работу, внутри коллектива произошел раскол. Предметом спора был океан. На основе анализов его признали органическим существом (назвать его живым существом никто тогда еще не решался). Биологи видели в нем примитивное существо — нечто вроде чудовищной по своей величине гигантской клетки (впрочем, они называли это «рабиологической формацией»), которая покрыла поверхность планеты студнеобразной мантией, толщиной местами в несколько миль. Астрономы и физики шли дальше, они утверждали, что структура океана должна быть необычайно высокоорганизованной, возможно, оставляющей далеко позади по сложности строения земные организмы, — поскольку он может активным образом влиять на формирование орбиты планеты.

Дело в том, что никакой другой причины, объясняющей поведение Соларис, обнаружить не удалось. Зато планетофизики открыли связь между рядом процессов плазматического океана и измеренным локально гравитационным потенциалом, который изменялся в зависимости от «обмена веществ» в океане.

Поэтому именно физики, а не биологи предложили пародоксальную формулировку: «плазматическая машина». Они под этим подразумевают существо, быть может, и не живое в нашем смысле слова, но тем не менее способное осуществлять целесообразные действия в масштабах, скажем сразу, астрономических.

Появились и иные гипотезы. Наиболее разработанная из них, гипотеза Чивита-Витти, утверждала, что океан представляет собой результат диалектического развития: из своего первоначального вида, из праокеана — раствора в явно реагирующих между собой химических веществ — он сумел под воздействием ряда факторов, в частности угрожающих его существованию, изменений орбиты, минуя привычные для нас ступени развития — стадию одноклеточных и многоклеточных организмов, эволюцию растений и животных, — не создавая нервную систему и мозг, перескочить сразу к стадии «гомеостатического океана».

Это было в общем оригинально, однако никто по-прежнему не знал, каким образом сиропообразное желе в состоянии стабилизировать орбиту небесного тела. Уже почти столетие были известны гравиторы — устройства, создающие искусственные силовые и гравитационные поля, но никто не мог даже представить, чтобы эффект, вызванный влиянием сложных ядерных реакций и высоких температур в гравиторе, мог быть достигнут бесформенным студнем.

В газетах, которые в то время были полны, к вящему интересу читателей и ужасу ученых, самыми невероятнейшими вымыслами по поводу «тайного Соларис», появлялись и такие утверждения, что планетарный океан — это своего рода... далекий потомок наших электрических угрей.

Когда эту проблему удалось (во всяком случае в какой-то степени) разрешить, оказалось, что «объяснение», как это часто потом случалось с теориями и гипотезами, относящимися к Соларис, на место одной загадки поставило другую, быть может, еще более поразительную.

Все это происходило почти за два десятка лет до моего рождения. Когда я ходил в школу, Соларис уже всеми была признана планетой, на которой имелась жизнь, правда, представленная лишь одним существом!

Под пальцами у меня порхали цветные диаграммы, красочные схемы, анализы и спектральные полосы, демонстрирующие тип и темп основных изменений и сопутствующих им химических реакций. Чем дальше углублялся я в пухлый фолиант, тем больше попадалось на мелованных страницах математических формул; можно было предположить, что наше знание этого представителя класса Метаморфа, который лежал, скрытый покрывалом сорокачасовой ночи в нескольких сотнях метров от стального дна Станции, было исчерпывающим.

В действительности же не все еще были согласны с тем, можно ли признавать океан «существом», не говоря уж о том, можно ли называть его «разумным существом».

Я с шумом поставил толстенный том на полку и вынул следующий. Он состоял из двух частей. Первая была посвящена краткому пересказу протоколов всех бесчисленных экспериментов, целью которых было установление контакта с океаном. Вторая часть тома, насчитывав-

шая почти тысячу триста страниц, включала только библиографию предмета. Оригинальная литература, наверное, не поместилась бы в комнате, где я сейчас находился.

Первые попытки установить контакт осуществлялись при помощи специальных электронных устройств, трансформировавших раздражения, посыпаемые в обе стороны. При этом океан принимал активное участие в конструировании приборов. Что означает «принимал участие»? Он модифицировал некоторые элементы погружающейся в него аппаратуры; в результате записанные ритмы разрядом изменялись, регистрирующая аппаратура отмечала множество слабых сигналов, напоминавших обрывки уравнений высшего анализа.

Но что они означали? Может быть, это были данные о состоянии возбуждения океана? Может быть, импульсы, описывающие его состояние где-нибудь в тысячах миль от исследователей? А может быть, произведения искусства океана? Кто мог об этом знать, если невозможно было дважды получить одинаковую реакцию на один и тот же раздражитель. Если один раз ответом был взрыв импульсов, который едва выдерживали аппараты, а другой раз глухое молчание? Если ни одного эксперимента нельзя было повторить?

Все время казалось, что мы стоим в одном шаге от расшифровки этого непрерывно увеличивающегося моря записей; ведь с этой целью специально создавались электронные мозги с огромной производительностью переработки информации, какой до сих пор не требовала ни одна иная проблема.

Но в конце концов кое-какие результаты были получены.

Океан — источник электрических, магнитных и гравитационных импульсов, —казалось, говорил на языке математики; некоторые виды происходящих в нем электрических разрядов можно было классифицировать, пользуясь наиболее абстрактными разделами высшего анализа, теории множеств. Иногда среди них появлялись гомологии структур, хорошо известных в той области физики, которая занимается рассмотрением взаимного соотношения энергии и материи, конечных и бесконечных величин, частиц и полей.

Все это склоняло ученых к убеждению, что они имеют дело с мыслящим чудовищем, что покрывающее почти всю планету протоплазменное море — это мозг, необычайно разросшийся, который проводит время, решая невиданные по своей сложности проблемы, и все то, что выхватывают из его глубин наши приборы, составляет жалкие, случайно подслушанные обрывки произносимого в течение многих веков где-то в безднах, недоступных нашему воображению и пониманию, бесконечного монолога!

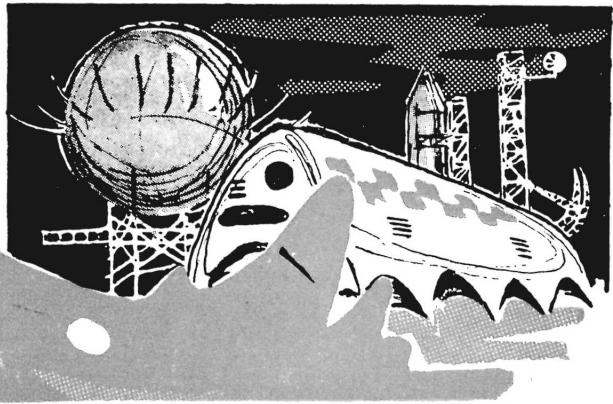
Ставя на полку том, такой тяжелый, что мне пришлось поддерживать его обеими руками, я подумал, что наше знание Солариса, переполняющее библиотеки, это в сущности трясина фактов и что мы находимся на том же месте, что и семьдесят восемь лет назад.

То, что нам хорошо было известно, включало одни лишь отрицания. Океан не пользовался машинами и не создавал их, хотя при некоторых обстоятельствах казалось, что он имеет для этого возможности, поскольку мог воспроизводить части ряда погружаемых в него приборов. Но океан делал это лишь в первые годы экспериментов с ним, а затем стал игнорировать все попытки контакта, как будто утратив всякий интерес к нашим устройствам и приборам (то есть, следовательно, и к нам). Он не обладал — я продолжаю перечисление «негативных знаний» — ни нервной системой, ни клеточной, ничем, напоминающим белковую структуру; не всегда отвечал на раздражения, даже очень сильные (так, например, он совершенно не прореагировал на катастрофу вспомогательного ракетоплана второй экспедиции Гизе, рухнувшего с высоты трехсот километров на поверхность планеты, хотя при ядерном взрыве его реакторов плазма была сожжена на площади радиусом в полторы мили).

Постепенно в кругах ученых выражение «проблема Соларис» стало означать то же, что и «неразрешимая проблема». Но о полной ликвидации Станции никто пока не осмеливался говорить; это было бы слишком явным признанием капитуляции. Впрочем, кое-кто в частных разговорах заявлял, что все, что нам нужно, это разработать стратегию почетной капитуляции перед «проблемой Соларис».

Некоторое время весьма популярным был взгляд, усердно распространяемый ежедневной прессой, что океан, который покрывает всю Соларис, — это гигантский мозг, превосходящий нашу цивилизацию на миллионы лет развития, что это какой-то космический мудрец, воплощенное всезнание, которое давно уже поняло тщетность поступков и поэтому сохраняет по отношению к нам категорическое молчание.

Но это было, попросту, неправдой, так как живой океан вовсе не пребывал в бездействии. Наоборот, он

был активным, хотя его деятельность и не укладывалась в человеческое воображение, поскольку он не строил города, не возводил мостов, не создавал летательные аппараты, не пытался побеждать пространство или преодолевать его, а занимался бесконечными перевоплощениями — «онтологическими автометаморфозами».

Множились теории, утверждающие, что перед нами продукт дегенерации, разложения, наступившего после окончания фазы «интеллектуального расцвета» океана, или что океан — это по сути паразитическое образование, которое, появившись на свет наряду с другими обитателями планеты, пожирало их всех, превратив их остатки в груду вечной самоомолаживающейся внеклеточной структуры.

...Я убрал со стола приборы и книги и, разложив на его пластиковой поверхности карту Соларис, гляделся в нее. У океана были свои мели и глубины, а его острова, покрытые пористой минеральной коркой, по-видимому, некогда были его дном. Неужели он регулировал также подъем и опускание горных формаций, погруженных в его лоно? По этому поводу ничего нельзя было сказать. Я смотрел на огромные, раскрашенные различными тонами фиолета и лазури полуширья на карте, ощущая, не знаю который раз в жизни, удивление такое же потрясающее, как и то, первое, испытанное в те дни, когда я, мальчишка, узнал в школе о существовании Солариса.

Я исследовал Тенсаллский глеомассив, охватывавший экваториальные архипелаги, когда почувствовал чей-то взгляд.

Я все еще стоял, склонившись над картой, но больше ее не видел, либо чувствовал себя парализованным. Я подумал, что это должен быть какой-то автомат, хотя раньше в комнате его не было, он не мог и войти, потому что я бы это заметил. У меня мурашки забегали по спине, ощущение тяжелого, неподвижного взгляда становилось невыносимым. Я резко обернулся.

Комната была пуста. Передо мной было лишь большое полукруглое окно. Огромная бесформенная темнота, без конца и края, слепо взирала на меня. Ни одна звезда не могла своим светом рассеять черную ночь. Я закрыл жалюзи. За неполный час пребывания на Станции мне уже стало понятным, какие причины доводят здесь людей до мании преследования. Инстинктивно я связал это со смертью Гибариана. Хорошо зная его, я до сих пор считал, что ничто не может затмить его рассудок. Теперь у меня в этом не было уверенности...

Я взглянул на часы. Было время идти к Снауту.

Выйдя в коридор, остановился у двери с надписью «Др. Гибариан». Я стоял довольно долго. Станция была погружена в тишину. Я совсем не собирался заходить, хотя и дотронулся до ручки. Она подалась, и дверь приоткрылась, образовав темную щель шириной в дюйм. В ту же минуту в комнате зажегся свет, и теперь меня мог увидеть любой.

Быстро переступив порог, я тихо, но плотно закрыл за собой дверь.

Я стоял, почти касаясь плечами дверей. Стены комнаты были опоясаны рядами серебристо-зеленых шкаф-

чиков и книжных полок. Их содержимое находилось на полу. Между столиками и стульями оно было разбросано в беспорядке. У панорамного окна лежал опрокинутый письменный стол с разбитой настольной лампой; ножки опрокинутой табуретки до половины были погружены в выдвижной ящик. Пол покрывала целое море рваных бумагиных карточек и листочков. Я узнал почерк Гибариана и начал читать.

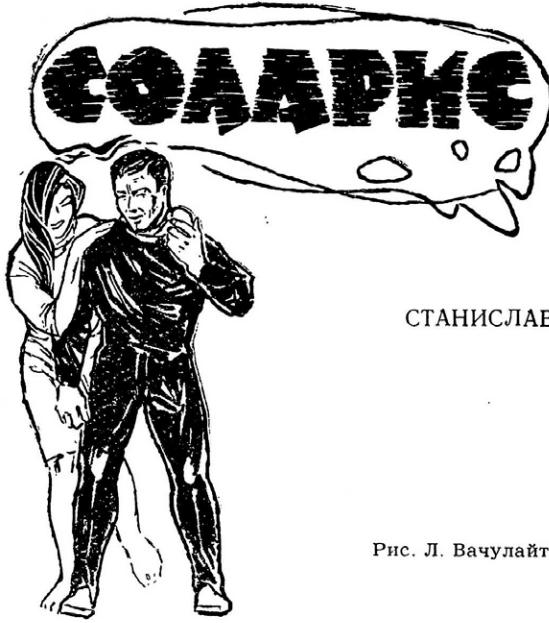
Мне попалось подробное описание три недели назад задуманного эксперимента — Гибариан задался целью подвергнуть плазму воздействию твердых рентгеновских лучей. В моих руках была копия, из которой становилось понятным, что подлинник предназначался Сарториусу, которому надлежало организовать этот эксперимент. Собрав с пола листки и разложив их на единственном не опрокинутом столе, я читал дальше. Части текста не хватало.

Я разыскал протоколы об уже завершенных опытах. Из них я узнал, что четыре дня тому назад океан описанным выше образом в 1400 милях северо-восточнее Станции был уже облучен. Все это меня очень удивило, ибо я хорошо знал, что конвенцией ООН применение таких рентгеновских лучей из-за их смертоносного действия было запрещено. И я был совершенно уверен, что никто не обращался на Землю за разрешением для проведения такого эксперимента.

Я услышал шаги. Кто-то шел по коридору. Двумя бесшумными прыжками я очутился у дверей. Шаги замедлились и стихли. Тот, кто только что шел по коридору, стоял по ту сторону дверей. Ручка тихо стала опускаться; не рассуждая, я импульсивно схватил ее и остановил. Давление не усиливалось, но и не уменьшалось. Неизвестный по ту сторону двери вел себя так же тихо. Видно, для него все это тоже явилось неожиданностью. Несколько секунд мы оба держались за ручку. Потом ее отпустили, и она легко поднялась у меня в руке, и послышался легкий шорох, свидетельствовавший о том, что неизвестный уходит вновь. Я постоял еще, прислушиваясь, но вокруг было совершенно тихо.

(Продолжение следует)

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

Рис. Л. Вачулайтиса.

Я свернул записки Гибариана и положил их в карман. Медленно подошел к шкафу и заглянул в него. Комбинезоны и другая одежда лежали скомканными в одном углу, будто для того, чтобы освободить для кого-то место. Ворохе бумаг на полу я заметил уголок конверта. Поднял его, и оказалось, что письмо адресовано мне. У меня от волнения сдавило горло. Я вскрыл конверт и заставил себя развернуть находившийся в нем листок.

Своим четким, очень мелким, но разборчивым почерком Гибариан записал:

...Ann. Solar. Vol. I Приложение, также: *Vot. Separat. Дело Мессенджер Ф. «Малый Апокриф» Равинцера.*

Вот и все, ни слова больше. Чувствовалось, что письмо писалось в спешке. Было ли это каким-то важным сообщением? Когда он его написал? Я решил по возможности скорее попасть в библиотеку. Мне было известно, что соларистический альманах имел приложение, но я никогда еще его не видел; оно имело лишь историческое значение. Но у Равинцера и его «Малом Апокрифе» я ничего не слышал.

Находясь уже у дверей, я еще раз оглядел комнату. Только теперь я заметил подвешенную у стены расклапашку — ее закрывала развернутая карта Солариса. За нею висело еще что-то. То был сверхпортативный магнитофон в футляре. Я вынул аппарат из, повесив футляр на место, положил магнитофон в карман. Счетчик показывал, что была использована почти вся лента.

Несколько мгновений я стоял у дверей с закрытыми глазами и напряженно вслушивался в царившую за ними тишину. Никого не было. Я рванул дверь, и на меня черным колодцем глянул коридор. Только сейчас я снял темные очки и увидел слабый, струившийся с потолка свет. Закрыв за собой дверь, я свернул налево, в сторону радиостанции.

Пустой коридор сперва тянулся прямо, потом поворачивал направо. Я никогда не был на Станции, но, готовясь к полету, почти два месяца прожил в точной копии Станции, которая находилась на Земле, в Институте.

В библиотеке не было света. Ощущуя нашел выключатель. Найдя в картотеке отметку о первом томе соларистического альманаха, я нажал кнопку, и тотчас же зажглась красная лампочка. Я проверил по регистратору — эта книга, а также «Малый Апокриф» находились у Гибариана. Выключив свет и спустился вниз. Мне было страшно войти в его кабинет, ибо я вдруг вспомнил незадолго до этого услышанные мною шаги. Несколько мгновений я стоял перед дверью, пока, наконец, стиснув зубы, не поборол страх и вошел.

Освещенная комната была пуста. Я стал просматривать книги, методически открывая том за томом. Дойдя до последней стопки, стоявшей между кроватью и шкафом, я отыскал нужное мне приложение к альманаху.

Я ожидал, что найду в нем какое-то указание, и действительно нашел. В оглавлении оказался вкладыш. Незнакомое мне имя: Андре Бертон — было подчеркнуто красной чертой. Оно упоминалось в двух разных местах.

Продолжение. Начало см. в 4-м номере журнала.

В первом из них указывалось, что Бертон выполнял обязанности запасного пилота на космическом корабле Шеннахана. Еще раз его имя упоминалось через сто с лишним страниц. В первое время после прибытия на Соларис экспедиция действовала очень осторожно. Но когда шестнадцать дней спустя оказалось, что плазматический океан не только не проявляет ни малейших признаков агрессивности, но наоборот — отступает перед каждым приближенным к его поверхности предметом, чтобы избежать непосредственного контакта с приборами или людьми, Шеннахан и его заместитель Тимолис отменили часть продиктованных осторожностью правил поведения, ибо они очень усложняли и тормозили работу.

Участников экспедиции разделили на небольшие группы, которые нередко отправлялись в продолжительные полеты вплоть до нескольких сот миль над океаном; оружие уничтожения, предназначенное для защиты территории, где проводились исследования, теперь оставлялось на базе. Первые четыре дня после этих изменений прошли без каких-либо происшествий, если не считать того, что время от времени стали портиться кислородные аппараты снафандров, выпускные клапаны которых не выдерживали коррозийного воздействия ядовитой атмосферы.

На двадцать первый день после посадки радиобиолог Каруччи и физик Фехнер в маленьком двухместном аэромобиле отправились в исследовательский полет над океаном. Когда шесть часов спустя они не вернулись, Тимолис, который в отсутствие Шеннахана руководил базой, объявил тревогу и послал на розыски пропавших ученых всех свободных людей.

Однако примерно через час после вылета ученых была прервана радиосвязь; причиной тому послужило большое красное солнечное пятно, которое воздействовало на верхние слои атмосферы сильным корпуслуковым излучением. Работали одни лишь ультракоротковолновые аппараты, которые обеспечивали связь на расстоянии 20—30 миль. Кроме того, перед заходом солнца густился туман, и поиски пришлось прекратить. Аэромобиль был замечен в неполных 80 милях от берега лишь тогда, когда спасательные группы уже начали возвращаться на базу. Мотор работал, и машина, находившаяся в полной исправности, летала над волнами. В прозрачной кабине сидел только один человек — Каруччи. Он находился в полубессознательном состоянии.

Аэромобиль был доставлен на базу, где ученому оказали медицинскую помощь. В тот же вечер он пришел в сознание. О судьбе Фехнера радиобиолог ничего рассказать не мог. Каруччи вспомнил лишь, что в тот момент, когда они уже собирались возвращаться, у него не хватило воздуха. Испортился выпускной клапан кислородного аппарата, и после каждого вдоха в снафандр стало проникать немного отравленного воздуха.

Фехнер, пытаясь привести в порядок аппарат товарища, был вынужден отстегнуть ремни и приподняться. Это было последним, что сохранила память Каруччи. По мнению специалистов, дальше могло произойти следующее. Исправляя аппарат Каруччи, Фехнер откинул крышку кабинки, потому что низкий купол ограничивал его движения. Во время этой манипуляции испортился кислородный аппарат самого Фехнера, и он, в минуту помрачнения сознания, вылез через отверстие в куполе на корпус машины и свалился в океан.

Такова история первой жертвы океана. Поиски тела — в снафандре оно не могло утонуть — не принесли успеха. Очевидно, оно где-то плывало: тщательно обыскать тысячи квадратных миль поверхности окутанной туманом волнующейся пустыни было экспедиции не под силу.

До наступления сумерек — я возвращаюсь к предыдущим событиям — на базу прибыли все легкие спасательные машины, за исключением большого грузового вертолета, на котором вылетел Бертон.

Он вернулся на базу через час после наступления темноты, когда его отсутствие уже начинало вызывать серьезные опасения. Бертон находился в состоянии нервного шока; выбравшись из вертолета, он бросился бежать. Когда его остановили, он принялся кричать и плакать... Это было совершенно неожиданно, так как Бертон вот уже семнадцать лет провел в космических полетах, которые зачастую протекали в очень трудной обстановке.

Врачи высказали предположение, что Бертон отравился. Через два дня он, казалось, обрел душевное равновесие, но ни на минуту не покидал главную ракету экспедиции и даже не подходил к окну, из которого открывался вид на океан. Бертон сообщил, что хочет написать рапорт о своем полете. Он категорически повторял, что это очень важно. Но руководители экспедиции признали рапорт пилота плодом его больной фантазии, вызванной отравлением ядовитой атмосферой, и подшили этот рапорт не к документам по истории экспедиции, а к истории болезни самого Бертона.

Вот о чём рассказало приложение. Я решил, что объяснение этого происшествия, которое довело космического

пилота дальнего плавания до полного нервного потрясения, можно найти лишь в рапорте самого Бертона. Снова стал просматривать книги, но «Малого Апокрифа» мне найти не удалось. Я очень устал, поэтому дальнейшие поиски решил отложить до завтра, и вышел из комнаты. Ступая по алюминиевой лестнице, я увидел на ступеньках полосы струившегося сверху света. Значит, Сарториус все еще работает, даже сейчас! Я решил, что должен его увидеть.

Я подошел к дверям главной лаборатории, которые представляли собой вделанные в металлическую раму пластины рубчатого стекла. Стекло было завешено изнутри. Я нажал дверную ручку. Как и ожидал, дверь не поддалась. За нею царила тишина, лишь изредка становилось слышно слабое шипение, напоминавшее шипение газовой плитки. Я постучал — никакого ответа.

— Сарториус! — закричал я. — Доктор Сарториус! Это я, Келвин! Я должен с вами поговорить, пожалуйста, откройте!

Тихий шорох, будто кто-то сконкал бумагу, и снова тишина.

— Это я, Келвин! Вы же обо мне слышали. Я пришел часа два назад! — кричал я, прижавшись губами к тому месту, где дверной косяк сходился с краем металлической ниши. — Доктор Сарториус! Здесь никого нет, кроме меня! Откройте!

Тишина. Легкий шорох. Несколько раз что-то звянуло — так резко, будто кто-то бросил на металлическую плиту кусок железа. И неожиданно я был совершенно сбит с толку. Послышались чьи-то мелкие шажки, частый топот маленьких ножек. Казалось, что кто-то очень ловко воспроизвёзил их, барабаня кончиками пальцев по пустому, хорошо резонирующему ящику.

— Доктор Сарториус!! — снова заорал я. — Вы откроете или нет?

Никакого ответа, только тот же топот и одновременно чьи-то быстрые размашистые чуть слышные шаги, будто человек передвигался на цыпочках. Но если он ходил, то не мог же он одновременно имитировать детские шаги? Однако какое мне в конце концов до этого дело! — подумал я и, не в силах подавить свою ярость, закричал:

— Доктор Сарториус!!! Не для того я летел шестнадцать месяцев, чтобы присутствовать на ваших комедиях!! Считаю до десяти. Потом взломаю дверь!!!

Когда отзвучало эхо, казалось, я услышал не то шум борьбы, не то кто-то передвигал какую-то тяжесть. Занавеска отодвинулась на каких-нибудь полметра, и на матовое дверное стекло легла стройная тень. Хрипловатый диксант произнес:

— Я открою, но вы должны обещать, что не войдете. Я сам выйду к вам.

— Хорошо. Обещаю.

Тихо щелкнул ключ, темный силуэт, заслонив полу-

вину двери, тщательно задернул занавеску, и дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы Сарториус мог выбраться в коридор. Он стоял передо мною, загораживая дверь, необычайно большого роста, худой. Было такое впечатление, что его тело под кремовым трико состоит из одних лишь костей. Шея его была укутана в черный платок; через плечо был переброшен дважды сложенный защитный передник, весь обожженный реактивами. Необычно узкую голову Сарториус держал как-то набок. Почти половину его лица закрывали черные выгнутые стекла, так что его глаза рассмотреть мне не удалось.

— Слушаю вас, — сказал он наконец. Мне казалось, что он не так уж ждет моего ответа, а лишь напряженно прислушивается к тому, что происходит в комнате.

— Моя фамилия Келвин... Вы наверное слышали обо мне, — начал я. — Я сотрудник, то есть бывший сотрудник Гибариана...

На его длинном костлявом лице — так наверное выглядел Дон Кихот — не изменилась ни одна черточка.

— Мне стало известно, что Гибариан... что его нет в живых, — я повысил голос.

— Да. Слушаю вас...

Голос его звучал весьма нетерпеливо.

— Что он — покончил с собой? Кто нашел его тело, вы или Снайт?

— Почему вы об этом спрашиваете меня? Разве доктор Снайт вам не рассказывал?

— Я хотел услышать, что вы можете сказать по этому делу...

— Вы психолог, доктор Келвин?

— Да. Ну и что же?

— Ученый?

— Конечно же! Но какое это имеет значение?

— Мне кажется, что вы криминалист. Сейчас часы показывают два сорока, а вы вместо того, чтобы включиться в ритм работы Станции — что было бы самым естественным, — вы грубо пытаетесь вломиться в лабораторию и допрашиваете меня так, как будто подозреваете меня в чем-то.

— Это вы слишком подозрительны, Сарториус! — сказал я.

Мне любой ценой хотелось его задеть и я добавил:

— И вы сами хорошо это знаете!

— Если вы сейчас же не извинитесь, я буду жаловаться на вас, Келвин, в очередном радионесении!

— За что же я должен извиняться? Уж не за то ли, что вместо того, чтобы меня принять и вежливо познакомить со здешними событиями, вы затворились, забаррикадировались в лаборатории? Или вы окончательно сошли с ума?! Кто же вы в конце концов — ученый или жалкий трус? Может быть, вы мне, наконец, ответите?

Я больше не помню, что я еще кричал, но на его лице не дрогнул ни один мускул. По его бледной пористой

коже катились крупные капли пота. Неожиданно я понял, что он совсем не слушает меня, а лишь обеими руками из всей силы незаметно сдерживает за спиной дверь, которая легко вздрогнула, как от удара изнутри.

— Вы... отойдите в сторону, — Сарториус застонал странным тоненьким голосом. — Ради бога... идите! Идите прочь! Идите прочь, я приду, приду, сделаю все, что вы пожелаете, только, прошу вас, уйдите!!!

В его голосе была такая мука, что я в полнейшем оцепенении инстинктивно протянул руку, чтобы помочь ему удержать дверь. Но тогда он страшно закричал и я попятился. Сарториус все еще кричал фальцетом: «Иди! Иди! — а потом:

— Ну, иду, иду! уже иду!!!».

Он открыл дверь и влетел в комнату. Из лаборатории донеслись приглушенные звуки возни, занавеска отдернулась в сторону, большая длинная тень метнулась на экране стекла, потом занавеска вернулась на прежнее место, и больше ничего не стало видно. Что там происходило? Послышался топот ног, бешеная беготня завершилась пронзительным звоном разбитого стекла, и я услышал радостный детский смех...

Я спустился этажом ниже. Мне надо было пройти мимо радиостанции, дверь которой была раскрыта настежь. В кресле неподвижно сидел Снаут. Он спал. Шум моих шагов заставил его вздрогнуть и открыть глаза.

— Халло, Келвин! — хриплым голосом приветствовал он меня.

Я молчал.

— Ну, что-нибудь узнал? — спросил он.

— Да, — ответил я. — Сарториус не один.

— Что ты говоришь? Это уже что-то значит. У него гости, что ли?

— Не понимаю, почему вы не хотите мне рассказать, в чем тут дело, — сказал я как бы между прочим. — Ведь я все равно раньше или позже обо всем узнаю. Кому нужны все эти секреты?

— Узнаешь, когда у тебя самого будут гости!..

* * *

Я открыл глаза и мне показалось, что я спал лишь несколько минут. Комната была освещена зловещим красным светом. Мне было прохладно и хорошо. Напротив моей кровати, возле окна, утоляя в красноватых лучах солнца, кто-то сидел в кресле. Это была Харея, в легком белом платье. Ее темные волосы были зачесаны назад, тонкая ткань облегала грудь; руки, загорелые до локтей, были опущены; она, не отрываясь, смотрела на меня. Я долго наблюдал за ней совсем спокойно. Первой моей мыслью было: «Как хорошо, что это только сон». Я закрыл глаза и захотел, чтобы ее образ исчез, но когда я вновь открыл их, она по-прежнему сидела на том же месте. Харея была точь в точь такою, какою я видел ее в последний раз живой. Тогда ей было девятнадцать лет. Разумеется, даже десять лет спустя она ничуть не изменилась — мертвые ведь всегда остаются молодыми. Вот и глаза ее, всегда удивленные, смотрели на меня так же, как и прежде.

— Бедняшка, — сказал я. — Ты пришла навестить меня, да?

Я немного испугался, потому что мой голос прозвучал слишком отчетливо. А комнату и Харею я тоже видел так реально, насколько это вообще возможно.

Солнце уже успело немного опуститься, и меня это обрадовало. Я вспомнил, что был красный день, когда я лег спать. Значит, потом должен был наступить синий

день, а потом — снова красный. Не мог же я проспать пятнадцать часов беспробудно. Значит, это наверняка сон.

Успокоившись, я стал пристально разглядывать Харею. Свет падал сзади, и луч солнца, проникший сквозь просвет в жалюзях, золотил бархатистый пушок на ее щеке; ресницы бросали длинные тени на ее лицо. Она была очень хороша.

Стараясь проснуться, я крепче стиснул веки и вдруг услышал шорох. Я сразу открыл глаза. Она сидела на кровати рядом со мной. Я улыбнулся ей. Она мне ответила улыбкой и склонилась надо мной. Первый поцелуй был нежным и чистым, будто мы были детьми. Никогда со мной ничего подобного не случалось... Мы все еще молчали. Я пытался убедить себя, что это сон, однако сердце у меня сжалось.

Я хотел выпрыгнуть из кровати, хотя и знал, что мне это не удастся, ибо во сне тело часто оказывается неподвижным, точно парализованным, однако я надеялся, что это мне по крайней мере поможет скорее проснуться. И все же не проснулся. Делать нечего, придется досмотреть этот сон до конца, подумал я, но мое хорошее настроение улетучилось. На меня напал страх.

Когда я сел, Харея отодвинулась и прислонилась спиной к стене. Она наблюдала за мной со спокойным интересом.

— Как ты попала сюда? — спросил я.

— Не знаю, — ответила она. — Разве это плохо?

Голос ее обладал тем самым низким тембром, и ее рассеянный тон мне был хорошо знаком. Она никогда не засыпалась о произносимых словах, будто каждое последующее мгновение была занята чем-то другим.

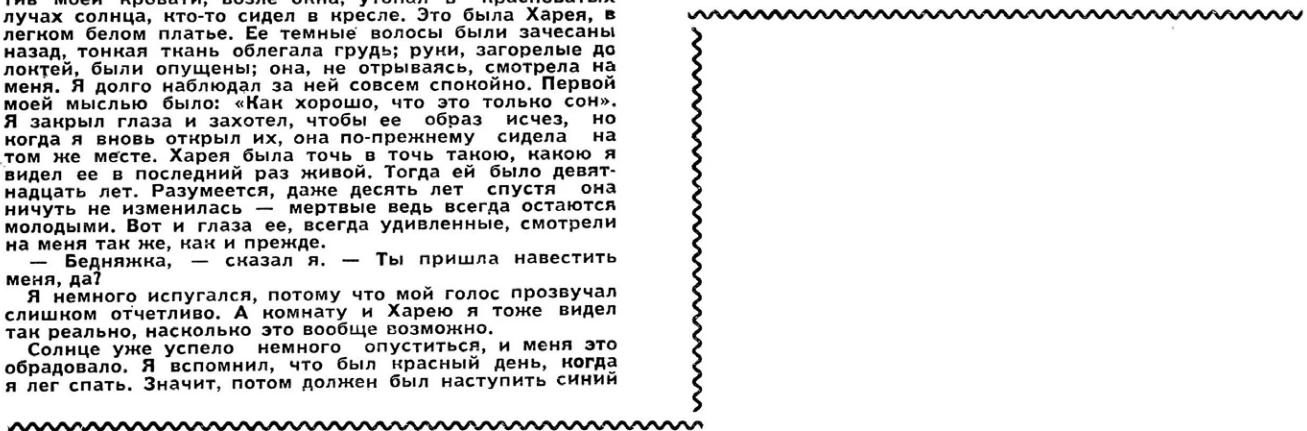
— Тебя... кто-нибудь видел?

— Не знаю. Просто я пришла, и все. Разве это важно, Крис?

— Как ты узнала, где я нахожусь?

Это озадачило ее. Смузенная улыбка обнажила краешки ее белых зубов.

— Не имею ни малейшего понятия. Смешно, не правда ли? Ты спал, когда я вошла, но я не разбудила тебя. Я не хотела этого делать, потому что ты злюка, — она взяла мою руку и в такт своим словам стала ее поднимать.

Потом она отпустила мою руку и, опершись на локоть, быстрым движением головы откинула черную волну волос. Посмотрела на меня с той странной полуулыбкой, которая только тогда перестала меня раздражать, когда я по-настоящему в нее влюбился.

Я склонился над Хареей и засучил короткий рукав ее платья. Точно там же, над звездочками осыпь розовела небольшая колотая ранка. Я дотронулся пальцем до крохотного рубца, который годами снился мне и из-за которого я со стоном просыпался на измятой постели — всегда в одной и той же позе, согнувшись в три погибели (именно так тогда лежала Харея, когда я застал ее уже недвижимой); во сне я часто видел ее в те последние минуты, когда она почувствовала действие инъекции и ее охватил страх. Она боялась самой ничтожной царапины, не говоря уже о крови, и вот в тот раз она так неожиданно решилась на страшный шаг, оставив только пять слов в адресованной мне записке. Я всегда носил с собой эту истертую бумажку, у меня не было смелости расстаться с нею. Я тысчью раз возвращался мысленно к тому мгновению, когда Харея писала эти слова, думал о том, что она тогда чувствовала. Я успокаивал себя тем, что она хотела только напугать меня и что доза яда лишь случайно оказалась слишком большой. Все остальные тоже старались меня убедить, что именно так оно и было, что ею руководило мгновенное чувство, вызванное неожиданной депрессией. Но никто не знал о том, что я сказала ей пятью днями раньше, никто не знал, что в тот раз, когда я собирал вещи, она необычайно спокойно спросила: «Знаешь, что это значит?». И вот теперь, полулежа на кровати, она пристально смотрит на меня, будто совсем не знает, что это я привел ее к гибели.

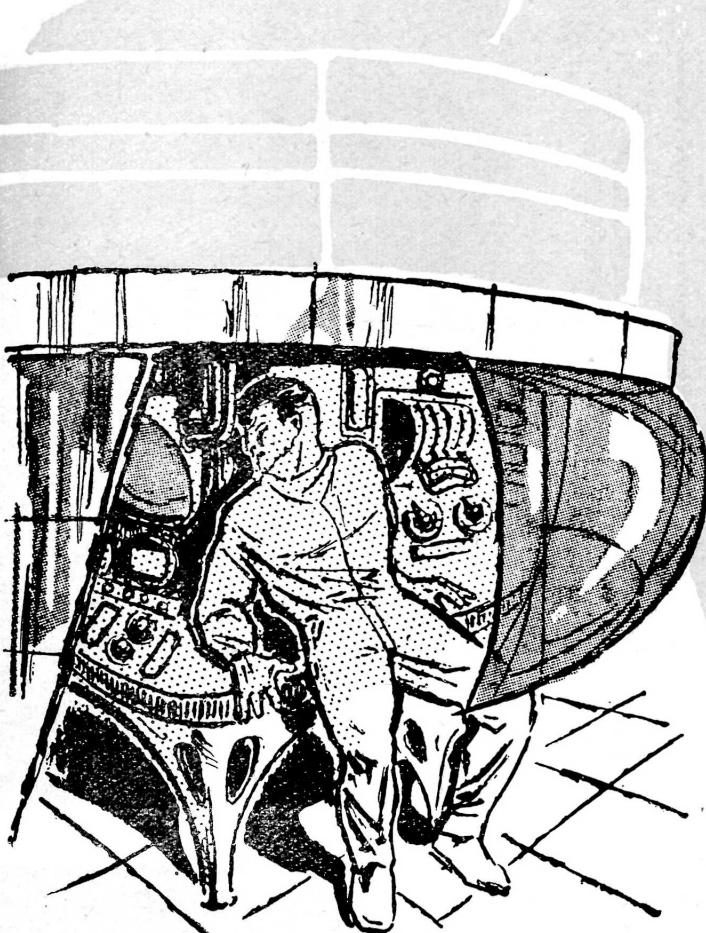
Комната была красной от солнца. Его лучи играли в волосах девушки. Она оглядела свои плечи, потом заметила мой пристальный взгляд и прижалась к моей руке прохладной нежной щекой.

— Где мы находимся, Харея?

— У нас.

— Где это?

Она закрыла глаза, и ее ресницы коснулись моей ладони.

— Крис!

— Да?

— Мне так хорошо.

Я встал.

— Где твои вещи? — спросил я, но тут же пожалел об этом.

— Моя вещи?

— При тебе только одно это платыще?

Теперь я стал притворяться. Я старался держаться непринужденно, буднично, как если бы мы расстались только вчера, — нет, как если бы мы вообще никогда не расставались. Мои слова ее заинтриговали, хотя она и ничего не сказала. Огляделась по-деловому вокруг и очень удивленная повернулась ко мне.

— Не знаю, — ответила она, — наверное, в шкафу?

Потом она ходила по комнате, заглядывала во все углы, просмотрела в окно, наконец, подошла ко мне и сказала:

— Крис, мне кажется, что-то случилось. Вроде я что-то позабыла... Я знаю, я помню только тебя... и больше ничего. Скажи, я была... больна?

— Ну, можно сказать, что это так. Да, ты немного приболела.

Я не в состоянии рассказать, что пережил. Когда она молчала, ходила, сидела или улыбалась, убеждение, что передо мною Харея, брало верх над проклятым беспокойством и сомнениями, но потом снова мне казалось, что я нахожусь рядом с каким-то подобным Хареем упрощенным существом, которое присвоило себе некоторые характерные ей движения и жесты.

— Харея, милая, я должен идти, — поспешил сказать я. — Ты подожди меня, хорошо?

— Мне надо ждать тебя? Долго?

— С часик... — начал я. Но она меня перебила:

— Я пойду с тобой.

— Ты не можешь идти со мной, потому что мне надо работать.

— Я пойду с тобой!

Это была какая-то другая Харея: настоящая никогда не бывала навязчивой. Пытаясь любой ценой сохранить мир, я повторил:

— Это невозможно, Харея. Ты должна оставаться здесь.

— Нет!

— Почему?

— Не знаю. Не могу... Мне кажется...

Она искала в самой себе ответа и когда нашла, он ей самой показался откровением.

— Мне кажется, что я должна тебя непрестанно... видеть.

Я чувствовал, что все безнадежнее увязо в западне и лихорадочно искал выхода. Я понимал: в том, что со всеми нами происходит на Станции, есть что-то общее, необъяснимое. Старалась придумать какой-нибудь трюк, найти возможность побить одному.

Не обращаясь, я чувствовал на себе взгляд Хареи. В стене была оборудована маленькая домашняя аптека. Я отыскал снотворное и бросил в стакан максимальную дозу — четыре таблетки. Залил их теплой водой, выждал, когда таблетки растворятся, потом подошел к Харею, которая все еще стояла посередине комнаты.

— Ты сердишься? — тихо спросила она.

— Нет. Выпей вот это.

Не знаю, почему я решил, что она послушает. И в самом деле, она без возражений взяла стакан и в один прием опустошила его. Я поставил стакан на столик и уселся в угол между шкафом и книжной полкой. Харея медленно подошла ко мне и устроилась на полу рядом со столом — так, как она это часто делала раньше: скрестила ноги и отбросив так хорошо знакомым мне движением волосы назад. И хотя я совсем не верил, что это она, при виде знакомых, так любимых мною жестов, у меня всякий раз к горлу подступал комок.

Я сидел, а ее волосы ласкали мою руку. Несколько раз я незаметно поглядывал на часы. Прошло полчаса, и снотворное должно было уже начать действовать. Харея что-то тихо бормотала. Мало-помалу ее голова опустилась на мои колени, и она дышала глубоко и равномерно, как во сне. Я пошевельнулся, чтобы унести Харею на кровать, но она вдруг схватила меня за волосы. Потом громко засмеялась.

Я оцепенел, а она смеялась как одержимая, во весь голос. Я сидел точно окаменев, сбитый с толку и беспомощный, а Харея, засмеявшись еще раз, прижалась лицом к моей руке и умолкла.

— Почему ты смеешься? — спросил я деревянным голосом.

На ее лице появилось то же беспокойное выражение. Я видел, что она хочет быть честной. Дотронулась пальцем до своего маленького носика и со вздохом сказала:

— Сама не знаю.

В этих словах сквозило искреннее недоумение.

— Я вела себя по-идиотски, верно? — начала она. — Это на меня вдруг как-то неожиданно нашло... но ты тоже хороши: сидишь, надувшись, как... Пельвис.

— Как ты сказала? — переспросил я, ибо мне показалось, что ослышался.

— Как Пелвис, ты же знаешь, этот толстяк...

Нет никакого сомнения, что Харея не могла знать Пелвиса, или даже слышать о нем от меня. Хотя бы по той простой причине, что из своего путешествия он вернулся через три года после ее смерти. Так же и я до того с Пелвисом не был знаком и не знал, что ему присуща дрянная привычка: ведь в Институте заседания, затягивать их до бесконечности. Его звали Пелле Виллис, от чего и произошло сокращенное прозвище. Но ведь до его возвращения об этом никто не знал!

...Сердце у меня стучало, как бешеное, и на секунду я закрыл глаза. Мне вдруг стал ясен план действий, от начала до конца, во всех подробностях. Не желая терять ни минуты, я встал со стула.

— Я должен идти. Уже время, Харея, — сказал я. — Но если ты хочешь, можешь идти со мной.

— Хорошо.

Она вскочила.

— Почему ты босиком? — просил я, доставая из шкафа два разноцветных комбинезона, для себя и для нее.

— Не знаю... Наверно туфельки где-нибудь оставила, — ответила она неуверенно.

Я притворился, что не слышу.

— Полетим?.. И ты тоже? — расспрашивала она меня, когда мы вышли из комнаты. Я кивнул. Меня пугало, что мы встретим Снаута. Но коридор, который вел к аэродрому, был пуст, а двери радиостанции, мимо которых мы проходили, закрыты.

На Станции по-прежнему царила мертвая тишина. Харея наблюдала, как я на электрической вагонетке выкатывал из среднего отсека ракету.

То был космический корабль-лилипут, предназначенный для поддержания связи между Станцией и Сателлитом. Его применяли для перевозки грузов, и только в исключительных случаях он брал людей, ибо его люки не открывались изнутри. Именно это мне было нужно, это входило составной частью в мой план. Разумеется, я не собирался запустить эту ракету, но действовал так, будто готовился к настоящему старта. Харея раньше часто летала со мной и кое-что в этих вещах смыслила. Я еще раз проверил аппаратуру климатизации и кислорода и, когда после включения главной электроцепи загорелись контрольные лампочки, выбрался из ракеты и сказал стоявшей на лестнице Харее:

— Залезай.

— А ты?

— Я влезу после тебя. Мне надо закрыть люк.

Я считал, что она не сможет разгадать моей хитрости. Когда Харея забралась по лестнице в ракету, я сунул в отверстие голову и спросил, удобно ли она устроилась. Когда послышалось глухое «да», я отскочил и резко захлопнул крышку люка. В один прием я задвинул оба засова и, с помощью заранее припасенного ключа, начал завинчивать пять болтов в пазы обшивки ракеты, герметически закрывая крышку люка.

Стальная сигара подняла вверх свое острие, будто бы впремя собираясь через мгновение взлететь в космическое пространство. Я знал, что взлет Харея будет в безопасности и ничего плохого с нею не случится — запасы кислорода и провизии в ракете были солидными и в конце концов у меня совсем не было намерения держать ее там слишком долго.

Я жаждал только любой ценой выиграть несколько часов свободы, чтобы составить дальнейший план действий и чтобы встретиться с Снаутом теперь уже как равный с равным.

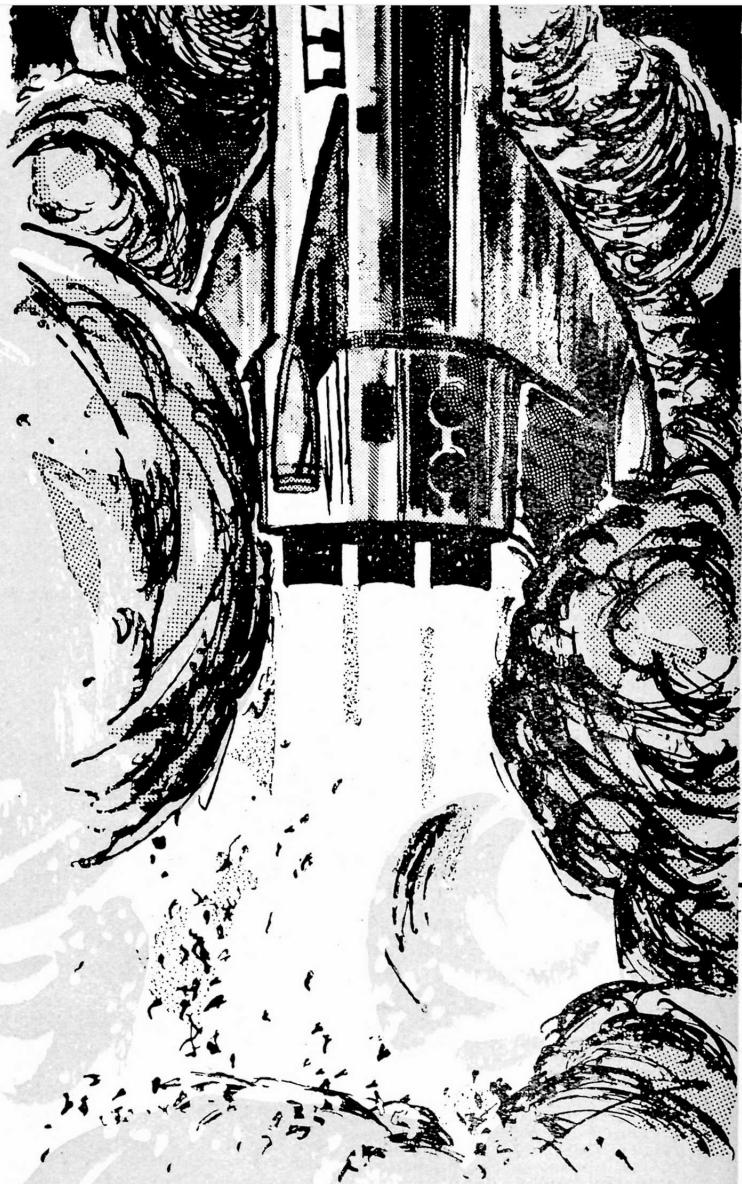
Принуждая предпоследний болт, я почувствовал, что металлические стойки, которые с трех сторон поддерживали ракету, слегка вздрогивают. Я подумал, что это я сам, энергично орудуя большим ключом, нечаянно расщепил эту стальную глыбу.

Но когда я отошел на несколько шагов, моему взору открылось нечто такое, чего я не хотел бы увидеть когда-либо еще.

Страшные удары сотрясали всю ракету. Что это были за удары! Если бы вместо хрупкой темноволосой девушки в ракете находился стальной робот, даже он не был бы в силах так сильно встряхнуть эту восемьтонную машину. Вибрация достигла такой степени, что я стал опасаться, выдержит ли обшивка. Дрожащими руками я завернул последний винт, бросил ключ и спрыгнул со ступенек. Медленно падая назад, я видел, что амортизирующие рессоры, рассчитанные только на равномерное давление, начали сумасшедшую пляску. Мне казалось, что броневой корпус ракеты теряет свой ровный блеск. Как одержимый я бросился к пульте дистанционного управления и обеими руками рванул рычаг включения реактора и связи; тогда из репродуктора, соединенного с ракетой, вырвалось нечеловеческое свистящее завывание, в котором визгливо повторялось мое имя:

— Крис! Крис! Крис!!!

Из истерзанных пальцев у меня струилась кровь — так хаотично и бурно я пытался привести в действие ракету. Синеватое пламя озарило стены, со стартовой площадки вырвалось облако пыли, которое в следующее мгновение превратилось в яркий рой искр, потом

все звуки потонули в продолжительном рокоте. Ракета поднялась на трех языках пламени, которые сразу же слились в мощный огненный столб, и сквозь проем в своде ангара корабль вырвался наружу. Специальные диафрагмы тут же закрыли проем, автоматически включившиеся вентиляторы потоком чистого воздуха окнули помещение, в котором еще клубились облака ядовитого дыма. Опершись руками о пульт управления, я судорожно глотал воздух. Лицо горело, как ошпаренное, волосы были опалены жаром. Несмотря на то, что в момент старта я инстинктивно закрыл глаза, яркий от свет пламени ослепил меня. Некоторое время я видел лишь черные, красные и золотистые круги. Постепенно они исчезли, так же, как дым, пыль и туман, которые из зала были высосаны вентиляционными установками.

Первым, что мне удалось рассмотреть, был зеленоватый сверкающий радарный экран. Маневрируя рефлектором направления, я начал искать ракету. Она находилась уже за пределами атмосферы. Я решил, что будет лучше всего, если я направлю ее по орбите вокруг Солариса, примерно на высоте в тысячу километров, а потом смогу выключить двигатели. Тысячекилометровая орбита, как я выяснил из таблицы, была стационарной. Но и она, откровенно говоря, ничего не гарантировала — просто это был единственный выход, который я видел.

Я не осмелился включить репродуктор, который выключил сразу же после старта. Я был готов сделать все, лишь бы не услышать больше этот жуткий голос, в котором не было ничего человеческого.

Когда я покинул летное поле, стрелки показывали час.

(Продолжение следует).

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

...Я открыл дверь и в красном закатном освещении увидел, что кто-то сидит в том самом кресле, в котором до этого сидел я. Меня парализовал страх, и я в панике попятился назад. Чуть было уже не бросился бежать — все это длилось, может быть, десятую долю секунды. Но тут существо, сидевшее в кресле, подняло голову. Это был Снаут.

Не говоря ни слова, я подошел к аптечке, нашел мазь и начал смазывать свои сильно обожженные щеки и лоб. Снаут все время внимательно наблюдал за мной, а я не обращал на него внимания. Когда процедура, наконец, была закончена, я сел на другой стул.

Снаут, сложив руки на коленях, критически наблюдали за моими действиями.

— Были гости, а?

— Да, — сухо ответил я. У меня не было ни малейшего желания поддакивать под его тон.

— И мы уже от них отделались? Ого, крепко ты взялся за дело!

Он дотронулся до своего лба, с которого лупилась мазь. В неожиданном оцепенении я уставился на розовые пятна эпидермы, покрывавшие его лицо. Почему я до сих пор не обращал должного внимания на так называемый «загар» Снаута и Сарториуса? Я все время полагал, что это от солнца, но ведь на Соларис никто не загорает!

Снаут взглянул на часы.

— В нашем распоряжении теперь два, а может быть, три часа, — он посмотрел на меня с неприятной ухмылкой, потом продолжал: — Теперь ты достаточно видел, чтобы выслушать меня и понять.

— Так вот, Снаут, что все это значит? — спросил я.

— Просто мы добились того, чего хотели: контакта с иной цивилизацией. И вот он, этот контакт! — голос его вдруг задрожал от злости. — Понял ли ты, что это океан? Хочешь, чтобы я рассказал тебе, какие планы вынашивают против нас эти миллионы метаморфической плазмы? Возможно, никаких.

— Как это «никаких»? — спросил я, оглядывая Снаута.

— Все это началось через восемь или девять дней после этого эксперимента с рентгеновыми лучами. Мож-

жет быть, океан на это облучение ответил каким-нибудь другим излучением, может быть, с его помощью он пронзировал наши мозги и извлек из них конкретные образы психических отложений.

— Образы отложений?

— Это меня заинтересовало.

— Да. Замкнутые в себе, остывшие, как бы замуроанные, оторванные от всего процессы, как бы законсервированные источники памяти. Океан воспринял их как рецепт, как план для конструкции. Ты же знаешь, что кристаллы асимметрических хромосом очень похожи на эти цереброзидовые кристаллы соединений нуклеина, которые лежат в основе процессов образования памяти. Ведь наследственная плазма есть «запоминающая» плазма. Таким образом океан получил от нас сведения, запомнил их и затем... Ну, ты сам знаешь, что было потом. Но для чего все это делается? Во всяком случае не для того, чтобы нас уничтожить. Это он мог бы сделать намного проще. Вообще — с такими технологическими возможностями — он мог сделать все, хотя бы, например, создать наши двойники.

— Ага! — воскликнул я. — Вот почему ты так испугался в тот первый вечер, когда я к тебе пришел.

— Да. Но, может быть, — продолжал Снаут, — океан уже это сделал. Откуда ты можешь знать, что я на самом деле тот самый старый добрый Снаут, который два года назад привел на Соларис...

Он начал тихо смеяться, будто бы мой глупый вид доставлял ему какое-то особое наслаждение, потом замолчал.

— Нет, нет, — пробормотал Снаут. — Достаточно и того, что есть... Отличительных признаков, возможно, достаточно, но я знаю только одно: меня и тебя можно убить.

— А их — нет?

— Не советую пробовать. Ужасное зрелище! Во всяком случае не годятся ни ядро, ни нож, ни веревка.

— А атомомет?

— Ты бы попробовал?

— Не знаю. Если это не люди...

— Они абсолютно ничего не знают о своем происхождении. Ты уже это заметил?

— Да. Только... как же это?

— Они регенерируют неслыханными темпами. С невероятной быстротой, в твоем присутствии, и потом снова начинают вести себя, как...

— Как же?

— Как наши представления о них, эти психические изображения в памяти, исходя из которых...

— Да, это верно, — подтвердил я. На мазь, которая, растекаясь по обожженным щекам, капала на руку, я не обращал внимания.

— А Гибариан знал, — неожиданно спросил я, — то, что мы знаем?

— Наверняка.

— Он тебе рассказывал об этом?

— Нет. Но я в его комнате нашел одну книгу...

— «Малый апокриф» — воскликнул я, вскочив.

— Да. Но откуда ты знаешь? — спросил Снаут с неожиданной тревогой.

— Не волнуйся, — успокоил я его. — Ты же видишь, что я загорел и все же не регенерирую. Он оставил мне письмо.

— Письмо? Что в нем было?

— Ничего особенного. Точнее говоря это не письмо, а библиографическая рекомендация познакомиться с соларистическим приложением и этим «Апокрифом». Что это такое?

— Старая история. Возможно, что какая-то связь тут есть. Возьми.

Он вынул из кармана тоненькую книжку в кожаном переплете и протянул мне.

— Теперь ты знаешь примерно столько же, сколько я. Есть у тебя какой-нибудь план?

— Какие тут могут быть планы? Не знаю, что делать, если она снова явится... Она должна появиться?

— Кажется, да.

— Как они проникают? Ведь Станция герметическая? Может быть, корпус Станции...

Снаут покачал головой.

— Корпус в порядке. Я не понимаю, как. Гостей мы обнаруживаем после пробуждения — надо же в конце концов и поспать немного.

Он встал. Я тоже встал.

— Слушай, Снаут... Может быть, ты думаешь о ликвидации Станции и только ждешь, чтобы я внес такое предложение?

Снаут снова покачал головой.

— Это не так просто. Конечно, удрать мы можем в любое время, хотя бы на Сателлоид, и послать оттуда сигналы СОС. Нас, конечно, сочтут за сумасшедших — известны же случаи коллективного умопомешательства на таких изолированных станциях, как наша... Возможно, это даже было бы не так плохо. Сад, покой, белые комнатки, прогулки в сопровождении санитаров...

(Продолжение. Начало см. в 4-м и 5-м номерах журнала).

Он говорил очень спокойно, засунув руки в карманы и устремив невидящий взор в угол комнаты. Красное солнце уже скрылось за горизонтом, и пенистые гребни волн таяли в чернильного цвета пустыне. Небо пыпало. Фиолетовые облака не в состоянии были оживить этот угрюмый пейзаж.

— Значит, хочешь удратить? Или еще нет?
Снаут ухмыльнулся.

— Несокрушимый завоеватель! Тебе еще не успело понравиться это место, иначе бы ты так не говорил. Речь идет не о том, что можно бы пожелать, а о том, что было бы возможно сделать.

— И что бы это могло быть?
— Именно этого я и не знаю.
— Значит, остаемся здесь?

Он повернулся и вышел. Я встал у окна и начал смотреть на кровавый океан. Мне пришло на ум, что я мог бы запереться в одной из ракет на аэродроме, но это было несерьезно, это фактически было бы глупостью, ведь раньше или позже мне пришлось бы оттуда выйти. Я уселся возле окна и стал листать книжку, которую дал мне Снаут. Было еще достаточно светло, страницы казались розовыми, а вся комната пылала. Составителем сборника, в котором были собраны материалы, оказался некий Отто Равинцер, магистр философии.

Значительное место в книге занимал отчет Бертона. Первая его часть состояла из лаконичных записей в бортжурнале аэромобиля.

«16 часов 40 минут. Подымается розовый туман. Видимость 700 метров. На поверхности океана — ничего не обнаружил.

17 часов 00 минут. Туман сгущается, тишина, видимость — 400 метров.

17 часов 45 минут. Высота — 500. Облачко тумана до самого горизонта. В тумане воронкообразные проемы, через которые виднеется поверхность океана. Там что-то происходит. Пытаюсь проникнуть в один из таких проемов.

17 часов 52 минуты. Вижу нечто подобное водовороту — он выплескивает желтую пену. Вокруг туман. Высота 100. Сажусь на 20».

На этом записи в бортжурнале заканчивались. Далее следовали выдержки из истории болезни Бертона, или, вернее говоря, записанный под диктовку текст показаний Бертона и вопросы членов комиссии.

«Бертон: Когда я снизился до 30 метров, на этой высоте было трудно удержаться, ибо в круглом проеме, свободном от тумана, свирепствовали порывистые ветры. Сильный порыв ветра снова загнал меня в туман. Это был не обычный туман, а какое-то вещество, подобное коллоидной эмульсии, которое покрыло кабину, точно пленкой. Пришлось приложить немало усилий, чтобы очистить ее. Тем временем под влиянием странного тумана значительно снизилось число оборотов мотора, и я стал терять высоту. Чтобы не упасть прямо в волны, я прибавил газу. Машина перестала снижаться, но и высоты набрать я никак не мог. Когда мотор заработал на полных оборотах, началась сильная вибрация; очевидно, на пропеллер напомнилась эта странная эмульсия; стрелка счетчика грузоподъемности по-прежнему стояла на нуле — тут я ничего не мог поделать.

Нырнув в туман, я больше не видел солнца, хотя в том направлении, где оно должно было находиться, фосфоресцировало что-то красное. Я продолжал кружить и надеялся, что в конце концов набреду на какое-нибудь свободное от тумана место. Примерно через полчаса мне, наконец, посчастливилось. Я летал по свободному от тумана обширному кольцу, которое хорошо просматривалось на несколько сот метров. Оно было заключено в клубящиеся облака розового тумана. Я старался по возможности придерживаться центра этой «дыры» — там было спокойней.

Я заметил вскоре, что поверхность океана начинает изменяться. Волны почти совсем исчезли, а верхний слой плазмы океана стал дымчато-прозрачным. Вскоре он стал полностью прозрачным, и я смог свободно вглядеться в самую глубину.

Тонкими вертикальными струйками вверху поднималось что-то вроде желтого ила; достигнув поверхности, он приобретал стеклянный блеск, засипал, пенился и густел, пока не становился похожим на тягучий сироп из жженого сахара. Этот ил собирался в толстые узы, вздымаясь над поверхностью океана и чем-то напоминая головки цветной капусты, которые в свою очередь постепенно принимали причудливые формы.

Меня снова несло в туман, поэтому я был вынужден несколько минут провозиться с мотором и рулем. Когда я снова взглянул на океан, то увидел под собой нечто напоминающее сад. Да, сад. Я различил даже карликовые деревья и живую изгородь, и дорожки — все это было не настоящее, будто бы из той самой субстанции, которая уже окаменела и уподобилась пожелтевшему гипсу.

Вопрос: А эти деревья и другие растения, которые ты видел, были с листьями?

Бертон: Нет. Они имели лишь общие черты как бы модели сада. Да, да! Модель. Так они выглядели. Модель, однако в натуральную величину. Через несколько мгновений все начало трескаться, сквозь совершенно черные трещины волны стали извергать ил. В то время как часть его утекала, остальная на месте затвердевала. Все это стало бурлить, покрылось пеной, и я больше ничего не видел. Со всех сторон меня стал окружать туман, я увеличил число оборотов и поднялся на высоту в 300 метров.

Вопрос: Совершенно ли ты уверен, что все то, что ты видел, напоминало сад — и ничто другое?

Бертон: Да. Мое внимание привлекали некоторые детали; например, я помню, что в одном месте были расположены в ряд будто бы квадратные ящики. Потом мне пришло в голову, что это могли быть пчелиные ульи.

Вопрос: Это тебе пришло на ум позднее?

Бертон: Нет, ибо все это было, как из гипса. Я видел и другие предметы.

Вопрос: Какие?

Бертон: Мне не удалось их более четко рассмотреть. Осталось впечатление, что возле некоторых кустов лежали какие-то орудия труда продолговатой формы, будто бы гипсовые отливки садовых машин. Но в этом я не совсем уверен, а вот во всем том, что я видел раньше, — да.

Вопрос: А ты не считаешь это галлюцинацией?

Бертон: Нет. Я подумал, что это фата-моргана. О галлюцинации я не подумал потому, что чувствовал себя очень хорошо, и еще потому, что никогда в жизни не видел ничего подобного. Когда я поднялся на 300 метров, подо мною остался слой тумана, который был продырявлен, точно сито. Одна из этих дыр оказалась пустой, и я увидел в ней волнообразующийся океан, а во всех других что-то бурлило. Я опустился над одним таким местом и с высоты сорока метров увидел в океане стену какого-то огромного здания — оно ясно обозначалось под волнами и на ней виднелись будто бы ряды прямоугольных окон. Стена начала медленно подниматься и вынырнула из океана. С нее потоками текла желобобразная масса. Вдруг стена раскололась надвое и стала тонуть в пучине — так быстро, что почти мгновенно исчезла.

Я поднялся выше и продвинулся над самым туманом, почти задевая его шасси аэромобиля. Потом увидел еще один воронкообразный проем, который был в несколько раз больше предыдущего.

Я уже издали заметил белый плавающий предмет, и мне показалось, что это скафандр Фехнера. Тем более потому, что по своей форме он напоминал человека. Фигура будто бы слегка подпрыгивала, и казалось, что она плывет или стоит в волнах по пояс. Я быстро опустился ниже и увидел, что это человек, да, человек, только без скафандра. И он двигался.

Вопрос: Ты разглядел его лицо?

Бертон: Да.

Вопрос: Кто это был?

Бертон: Это был ребенок.

Вопрос: Какой ребенок? Видел ли ты его когда-нибудь раньше?

Бертон: Нет, никогда. Во всяком случае, не помню... Наконец, когда я приблизился к нему — нас разделяло метров сорок, может быть, немногим больше, — я почувствовал, что в нем что-то неладное.

Вопрос: Как это понимать?

Бертон: Сейчас объясню. Вначале я и сам этого не понял. Я установил, что он очень большой, не менее четырех метров ростом. Хорошо помню, что в тот момент, когда шасси моей машины задели волны океана, его голова находилась высоко над моей (так как я сидел в кабине, то моя голова была в трех метрах над поверхностью океана).

Вопрос: Но если это существо было таким большим, почему же ты считаешь, что это был ребенок?

Бертон: Потому, что это был очень маленький ребенок.

Вопрос: Понимаешь ли ты, Бертон, что твой ответ нелогичен?

Бертон: Нет. Я видел его лицо. И пропорции его тела были детскими. Он выглядел... как младенец. Нет, это преувеличено. Ему, наверное, было года два-три. И он был голый. Совершенно голый, как новорожденный. И мокрый, вернее, покрытый слизью — кожа у него так и лоснилась. Эта картина на меня ужасно подействовала. Я больше не верил ни в какую фата-моргану. Слишком отчетливо я это видел. Это было омерзительно!

Вопрос: Почему? Что это существо делало?

Бертон: Мне казалось, что я в музее — ребенок был как кукла, как живая кукла. Он делал всякие движения. Они были неестественными, совершенно лишенными какого-либо смысла. Ведь всякое движение имеет какое-то значение, служит чему-то... А эти движения были... были методическими. Они следовали одно за другим, если можно так сказать, серийно. И потом все это произошло с неимоверной быстротой. Я там находился очень короткий промежуток времени. Может быть, десять... секунд, сомневаюсь даже, было ли десять...

Вопрос: Это все, что ты видел?

Бертон: Нет. Но остального я так ясно не помню.

Наверное, потому, что первые впечатления были такими сильными. Туман продолжал сгущаться, и я должен был подняться выше. Не помню, когда и как я это сделал. Впервые в жизни я чуть не допустил аварии. Руки танцоры, что я еле мог держать руль. Кажется, я что-то кричал и пытался вызвать Базу, хотя знал, что связь прервана.

Вопрос: Пытался ли ты потом вернуться на Базу?

Бертон: Нет. Набрав высоту, я подумал, что в одном из таких проемов находится Фехнер. Я знаю, это звучит абсурдно. Но я твердо решил его искать. Уже если творятся такие вещи, думал я, то, может быть, мне удастся найти Фехнера. Я начал обыскивать все проемы, на которые натыкался. Но уже после третьей попытки понял, что мои усилия напрасны. Мне стало нехорошо. Прежде со мной никогда этого не случалось.

Вопрос: Это было признаком отравления, Бертон?

Бертон: Возможно. Не знаю. Но то, что я увидел, я не выдумал, это не было вызвано отравлением.

Вопрос: Как ты можешь это знать?

Бертон: Это не было галлюцинацией — то, что воспроизводит мой мозг, не так ли? А что-нибудь подобное он никак не мог бы выдумать. Никогда этому не поверю.

Вопрос: Выражайся точнее, что же это было?

Бертон: Прежде всего я хочу знать, как будет воспринято все то, о чем я уже рассказал?

Вопрос: Какое это имеет значение?

Бертон: Лично для меня — принципиальное. Я видел нечто такое, чего не забуду никогда. Если комиссия признает, что всему тому, что я рассказал, можно верить хоть на один процент, настолько, чтобы начать исследование океана именно в этом направлении, — я расскажу все, что знаю. Но если комиссия расценит это как бред, я больше не скажу ничего.

Вопрос: Почему?

Бертон: Потому что содержание моих галлюцинаций — это мое личное дело. А все то, что я пережил на Соларис, это наше общее дело.

Вопрос: Значит ли это, что ты отказываешься впредь отвечать на вопросы до тех пор, пока соответствующие органы экспедиции объявят свое решение? Ты

же понимаешь, что комиссия не может сделать это сейчас же?

Бертон: Да, правильно.

На этом первый протокол заканчивался. Тут был еще один отрывок из протокола, написанного одиннадцать дней спустя.

«Председатель: ...принимая во внимание, комиссия (в составе трех врачей, трех биологов, одного физика, одного инженера-механика и заместителя руководителя экспедиции) признала, что все «виденное» Бертоном явилось результатом комплекса галлюцинаций, вызванных ядовитой атмосферой, и что все эти события ничуть или почти ничуть не соответствовали действительности.

Бертон: Простите. Что означает «ничуть или почти ничуть»?

Председатель: Я еще не кончил. Отдельно запротоколирован ватум сепаратум доктора физических наук Арчибальда Месенджера, который считает, что все то, о чем рассказал Бертон, могло случиться в действительностии и что есть смысл все это исследовать.

Бертон: Я повторю свой предыдущий вопрос.

Председатель: «Почти ничуть» означает, что определенные реальные события могли стать стимулом для твоих галлюцинаций, Бертон. Самый нормальный человек иногда в ветреную ночь способен принять раскаивающуюся ветку невесть за какой призрак. Это тем более вероятно на чужой планете, когда сознание наблюдателя находится под влиянием ядовитой атмосферы. Бертон, какой вывод ты делаешь в связи со всем сказанным выше?

Бертон: Прежде всего, я хотел бы знать, каких результатов достиг доктор Месенджер со своим ватум сепаратум?

Председатель: Практически ничего. Это значит, что исследовательские работы в этом направлении проводиться не будут.

Бертон: То, что мы говорим, протоколируются?

Председатель: Да.

Бертон: Тогда я хочу сказать, что комиссия унизила не меня, я ничего собой не представляю, а дух нашей экспедиции. Как я уже заявил, ни на какие дальнейшие вопросы я больше отвечать не буду.

Председатель: Это все?

Бертон: Да. Только я хотел бы встретиться с доктором Месенджером. Это возможно?

Председатель: Конечно.

На этом заканчивается второй протокол. В самом низу страницы было напечатано примечание о том, что на следующий день состоялась почти трехчасовая конфиденциальная беседа между Месенджером и Бертоном; после этого Месенджер обратился в Совет экспедиции и пытался добиться организации исследовательских работ согласно данным пилота. Бертон сообщил ему новые дополнительные сведения, которые он обнародовал бы лишь в том случае, если бы комиссия приняла положительное решение. Однако Совет экспедиции, в состав которого входили Шеннахан, Тимолис и Трейер, высказался отрицательно, и на этом была поставлена точка.

В книге была помещена также фотокопия какого-то письма, найденного среди бумаг Месенджера после его смерти. Скорее всего это был черновик. Равинцу не удалось выяснить, было ли это письмо отправлено и привело ли оно к каким-нибудь результатам.

Вот это письмо:

«Совет (точнее говоря, Шеннахан и Тимолис, ибо голос Трейера не в счет), заботясь о своем авторитете, игнорировал все мои требования. Поэтому я обращаюсь теперь непосредственно в Институт, но Ты сам понимаешь, что это всего лишь бессильный протест. Я связан честным словом и не могу Тебе рассказать о том, что слышал от Бертона. На решение Совета, видимо, повлияло то обстоятельство, что открытие было сделано человеком, не имеющим никакой ученои степени, хотя не один ученый мог бы позавидовать хладнокровию Бертона и его наблюдательским способностям. Пожалуйста, сообщи мне в ответном письме следующие сведения:

● биографию Фехнера с подробным описанием его детства,

● все, что знаешь о его родных, верно ли, что он очень рано осыпал?

● фотографию местности, где он вырос.

Хочу с Тобой поделиться своими мыслями обо всем этом. Ты уже знаешь, что вскоре после вылета Фехнера и Карручи, в центре красного солнца, появилось пятно, под воздействием которого прекратилась всякая радиосвязь в районе нашей базы. По сравнению с другими группами ученых, Фехнер и Карручи слишком отдалились от базы. Надо отметить, что такой густой и «упрямый» туман в условиях полного безветрия нами не был

зарегистрирован на протяжении всего пребывания экспедиции на планете Соларис.

Я думаю, что все, виденное Бертоном, входило составной частью в проведенную этим чудовищем «операцию человек». Фехнер и его мозг во время какого-то неизвестного для нас процесса «психической секции» служили образцом для всех этих странных действований, которые во время своего полета наблюдал Бертон; то была реконструкция наиболее ярких образов, сохранившихся в памяти Фехнера, их экспериментальноеrepidурирование.

Знаю, что это звучит фантастически, знаю, что могу ошибиться. Поэтому прошу Тебя помочь мне; я нахожусь сейчас на Алярике, где буду ждать Твоего ответа.

Твой А.

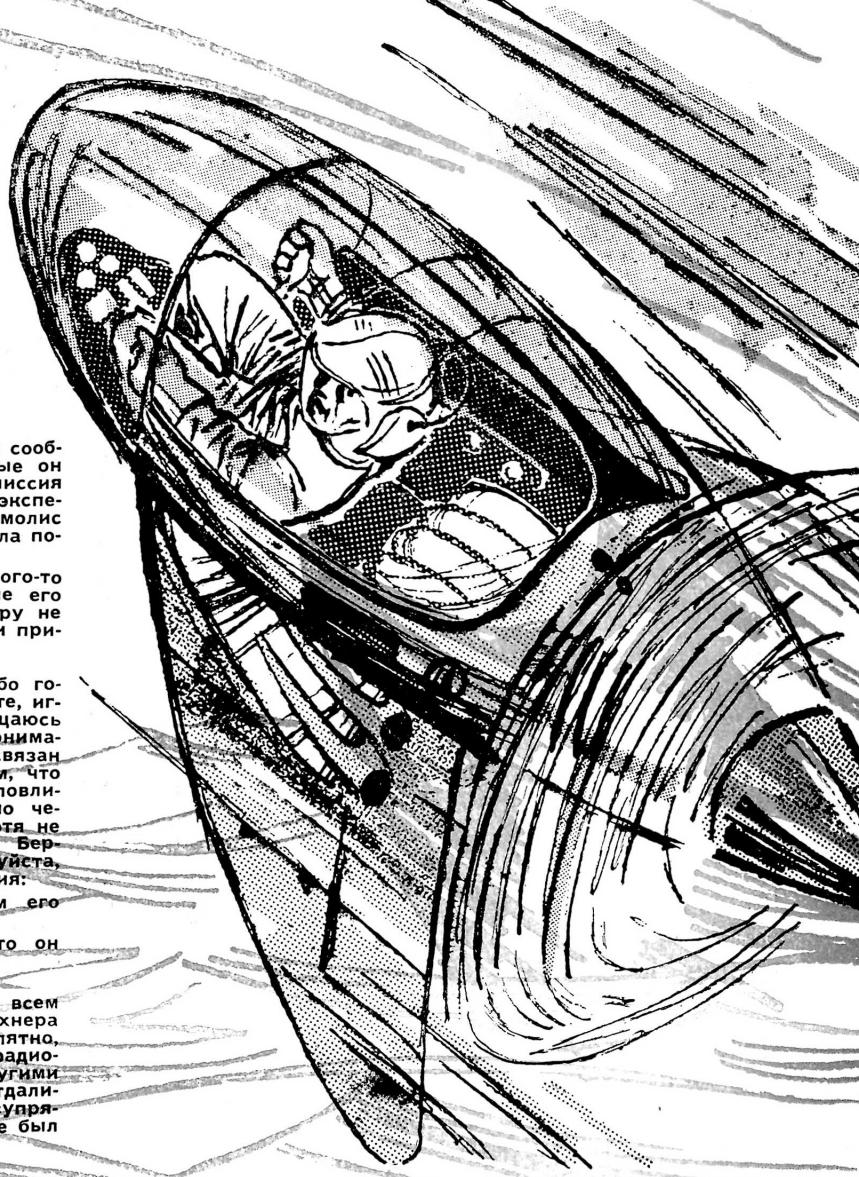
Когда я дочитал книгу, было уже настолько темно, что еле-еле можно было различить буквы. В комнате становилось все темнее. Я прилег, приблизил к глазам руку с часами и по фосфоресцирующему циферблatu определил, что через час взойдет синее солнце. Отбросив все заботы, я наслаждался полной темнотой.

Вдруг до моего слуха донесся тихий шорох и скрип двери.

— Крис? — послышался чей-то шепот. — Ты здесь, Крис? Тут так темно.

— Это ничего, — ответил я. — Не бойся. Иди сюда.

(Продолжение следует)

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

Фрагменты
из фантастической
повести

Рис. Л. Вачулайтиса

(Продолжение. Начало см. в предыдущих номерах журнала)

Когда я направился с Хареем в маленький операционный зал, находившийся рядом с радиостацией, у меня был определенный план. Я сказал, что хочу на всякий случай проверить состояние ее здоровья. Усадил ее в кресло и вынул из стерилизатора шприц и иголки. Затем взял капельку крови из ее пальца, сделал мазок, высушил и, поместив в вакуум, опылил его ионами серебра.

Все шло, как надо. Харея, сидя в кресле, разглядывала установленную различными медицинскими приборами комнату. Вскоре она спросила:

— Ну как там мои дела?

— Отлично, — ответил я. — Думаю, что... лучше и быть не может.

Я стукнул кулаком по цилиндрическому корпусу микроскопа. Может быть, тут какая-нибудь помеха? Нет, я знал, что аппаратура в порядке. Проверил все клетки, белковые соединения, молекулы — все выглядело точно так, как я это наблюдал тысячи раз.

Взяв кровь из вены Харея, я приступил к анализу. Реакции были нормальные. Все. А если...

Я капнул на красную бусинку крови концентрированную кислоту. Все сразу закипело, капелька стала серой и покрылась слоем темной пены. Разложение. Денатурация. Дальше, дальше! Я потянулся за пробиркой. Когда я взглянул на нее, тонкий стеклянный сосуд чуть не выпал у меня из рук.

На самом дне пробирки под грязноватым слоем пены снова заалела капелька крови. Сожженная кислотою кровь восстанавливается! Это был абсурд! Что-то невероятное!

— Крис! — донеслось будто бы издалека. — Телефон, Крис!

— Чего? Ах так, спасибо.

Телефон звонил уже давно.

— Келвин слушает, — сказал я, подняв трубку.

— Привет доктору Келвину! — послышался диксант Сарториуса.

— Приветствую вас, господин доктор! — ответил я ему в тон. Мне хотелось смеяться, но я не был убежден, вполне ли я понимаю причины этого неожиданного веселья. Из-за чего же это мне вдруг захотелось смеяться? Я что-то держал в руке: то была пробирка с кровью. Я встряхнул ее. Кровь уже успела свернуться. Может

быть, все это было сном? Может быть, мне это только показалось?

— Я хотел бы поговорить с коллегами об одной проблеме, связанной с... эм... фантомами, — слышал я и в то же время не слышал голос Сарториуса. Он как бы вернулся ко мне и действительности. Я сопротивлялся этому голосу, по-прежнему глядя на пробирку со свернувшейся кровью.

— Будем называть их существами Ф, — быстро добавил Снайт.

Посреди экрана чернела вертикальная линия. Это означало, что я одновременно подключен к двум каналам — по обе стороны линии должны были появиться изображения лиц моих обоих собеседников. Стекло, однако, было затемненным, значит экраны были чем-то завешены.

— Каждый из нас проделал различные опыты. Может быть, сперва обобщим все, что нам известно, а потом я вам сообщу, что узнал... Может быть, вы первый, доктор Келвин.

В первую минуту я хотел отказаться, но потом, к собственному удивлению, сказал:

— Хорошо, хорошо! Я почти ничего еще не сделал, но могу сказать. Один гистологический препарат и пара реакций. Микрореакции. У меня такое впечатление, что...

До этой минуты не было никакого смысла о чем-либо рассказывать. Но вдруг совершенно неожиданно во мне что-то раскрылось настежь:

— Все в норме, но это маска. В известной степени это сверхкопия, репродукция, которая... лучше оригинала. У человека мы наталкиваемся на грань структурной демонстрации, а здесь приходится идти дальше — из-за податливого строения.

— Сейчас, сейчас. Как вы это понимаете? — рассказывал Сарториус. Снайт не отрывался. А может быть, это он так учащенно дышал в трубку. Харея взглянула в мою сторону. Я понял, что очень возбужден и что последние слова чуть ли не прокричал. Я успокоился и закрыл глаза. Как это высказал?

— Предельный конструктивный элемент нашего тела — атом. Я допускаю возможность, что существа Ф состоят из еще более мелких частиц, чем обычные атомы. Еще более мелких.

— Из мезонов?.. — спросил Сарториус. Казалось, он ничуть не был удивлен.

— Нет, не из мезонов... Мезоны мы смогли бы обнаружить. А тут абсолютно ничего не видно до самого конца. Значит, это не мезоны. Скорее уж нейтроны.

— Как вы это понимаете? Ведь соединения нейронов непостоянны...

— Не знаю. Я не физик. Возможно, что их стабилизируют какие-то силовые поля. В этом я некомпетентен. Во всяком случае, если это так, то существа Ф состоят из частиц, которые в десять тысяч раз меньше атомов. Но это еще не все! В том случае, если клетки и молекулы белков состоят именно из этих «микроатомов», то они должны быть соответственно меньше. То же следует сказать и о красных кровяных шариках, ферментах и обо всем прочем... Но в действительности это не так. Отсюда следует вывод, что все — белки, клетки, ядра клеток — это только маска! Подлинная структура, от которой зависит функциональность «гостей», кроется где-то глубже.

— Но, Келвин! — воскликнул Снайт. От неожиданности я умолк. Разве я сказал «гостей»?! Да, действительно, но Харея этого не заметила. Да она бы этого и не поняла. Подперев голову руками, она смотрела в окно. Ее четкий профиль вырисовывался на фоне пурпурного неба. Трубка молчала. Оттуда доносились лишь чье-то дыхание.

— Это кажется правдоподобным, — пробормотал Снайт.

— Да, возможно, — добавил Сарториус, — однако, к сожалению, тут есть одно «но»: океан не состоит из этих частиц, которые предполагает гипотеза Келвина. Он состоит из обыкновенных.

— Быть может, он умеет синтезировать и такие, — сказал я и неожиданно почувствовал полнейшую апатию. Этот разговор нельзя было назвать даже смешным. Он был ненужным.

— Но это дало бы объяснение их необычной выносливости, — пробормотал Снайт. — И темпы регенерации. Возможно, что и источник энергии находится там, в глубине, им ведь есть не надо...

— Прошу слова, — отозвался Сарториус. — Хочу коснуться проблемы мотивации. Мотивации возникновения существ Ф. Что же представляют собой эти существа Ф? Они не являются ни копиями конкретных лиц, ни симами этиими лицами. Они являются материализованными проекциями всего того, что о данном лице знает наш мозг.

Точность этого определения ошеломила меня. Этот, так глубоко антипатичный мне, Сарториус был далеко не дурак.

— Итак, этот вопрос мы выяснили, — продолжал он. — А что касается мотивации возникновения существ Ф... Прежде всего, вполне естественно предположить, что

над нами экспериментируют. Если так, то это следует назвать... плохим экспериментом. Обычно, исследуя что-либо, мы исходим из результатов и прежде всего из допущенных ошибок, учимся и, возобновляя опыты, делаем в них поправки, вносим корректизы... В данном случае об этом не может быть и речи. Существо Ф всегда появляется все в том же облике... неоткорректированные... без дополнительного вооружения, которое было бы обращено против наших попыток освободиться от них...

— Здесь надо принимать в расчет и понятие индивидуальности. Океан не имеет абсолютно никакого представления об индивидуальности. Да так оно и должно быть. Мне кажется, что самая неприятная, шокирующая сторона этого эксперимента для океана совершенно неизвестна, она находится вне сферы его понимания.

— Вы считаете, что это с их стороны делается без всякого умысла? — спросил я. Хотя мысль Сарториуса явилась для меня неожиданностью, я сразу понял, что с ней нельзя не считаться.

— Да. Не верю, чтобы это было коварство, злой умысел или желание поглубже нас уязвить... как это считает коллега Снайт.

— Я отнюдь не склонен приписывать океану человеческих чувств, — Снайт в первый раз заговорил полным голосом, — но, может быть, ты скажешь, как объяснить это постоянное возвращение?

— Возможно, существует какая-то установка, которая вращается наподобие граммопластинки, — сказал я не без тайного желания уколоть Сарториуса.

— Прошу вас, коллеги, не отклоняться от темы, — сказал доктор. — Это еще не все, что я хотел сказать. Мне кажется, повторяю, мне кажется, — и только, что догадка Келвина верна. Я говорю о гипотезе нейтронной структуры... Соединения такого рода знакомы нам лишь теоретически, мы не подозревали о возможности их стабилизации. Здесь у нас появляются совершенно определенные возможности. Если уничтожить силовые поля, которые соединяют структуру...

Я уже за несколько мгновений до этого заметил, что темный предмет, заслоняющий экран Сарториуса, отодвигается. Сверху появилась широкая светящаяся полоса, и можно было рассмотреть нечто розовое. Оно медленно двигалось. Темная плоскость неожиданно совсем исчезла.

— Прочь! Прочь!!! — в трубке послышался ужасный крик Сарториуса. На освещенном экране появились руки доктора в рабочих нарукавниках. Они с кем-то боролись. Потом показался большой золотистый дискообразный предмет. И, прежде, чем я понял, что это соловенная шляпа, экран погас...

На этом и закончилась наша дискуссия.

Я проснулся среди ночи, охваченный неясной тревогой, и уснул на кровати. В комнате было темно, синеву открыты двери из коридора струился слабый свет. Откуда-то доносились ядовитое шипение, и эти звуки все нарастили вместе с глухими ударами за стеной. Метеор! — мелькнула мысль. — Пробил внешнюю обшивку... Там что-то есть!

Протяжный крик.

Я окончательно проснулся. Это же Станция, а не ракета. Но откуда эти непонятные звуки?..

Выбежав в коридор, я увидел, что двери малой лаборатории открыты настежь. Оттуда струился свет. Я вошел.

Меня обдало волной ужасного холода. Комната была полна пара. Дыхание сразу превращалось в иней. Белые снежинки вились над Хареем, лежавшей на полу. Я тут же бросился на помощь, обхватил ее за талию и поднял. Халат обжигал мне руки. Я выбежал в коридор, не чувствуя больше холода, который в виде облачков пара струился из ее рта и огнем жег мне плечо.

Я положил Харею на стол, разорвал одежду и несколько мгновений вглядывался в изменявшиеся дрожащее лицо: губы были покрыты кровью. на языке сверкали кристаллы льда...

Жидкий кислород. В лаборатории, в сосудах Девара находился жидкий кислород. Сколько она выпила? Да это и неважно. Обожженые дыхательное горло, легкие. Жидкий кислород действует сильнее концентрированной кислоты. Дыхание ее напоминало шуршание бумаги и постепенно становилось все мельче. Глаза были закрыты. Агония.

Взгляд мой упал на большие стеклянные шкафы с медицинскими инструментами и медикаментами. Трахеотомия? Интубация? Но ведь легких уже нет! Сожжены. Лекарство? Сколько тут лекарств! На полках стояли рядами разноцветные бутылочки и коробочки. Харея хрюкала, и воздух, который она выдыхала, по-прежнему превращался в облачка тумана.

Грелки?..

Я начал было их искать, но потом одеревеневшими руками стал копаться в коробочках с ампулами. Харея захрипела сильнее. Глаза ее были открыты.

— Харея!

Это было сказано даже не шепотом. У меня попросту пропал голос. Она смотрела на меня.

— Харея!

Я больше ничего не в силах был сказать. Щупал ее пульс, но пульса не было. Прижал ухо к ее обледеневшей груди. Будто бы сквозь треск костра я услышал бешеное биение сердца, такое быстрое, что отдельных ударов совсем нельзя было различить. Я стоял, низко наклонившись над нею с закрытыми глазами, когда почувствовал легкое прикосновение к своей голове. Я взглянул в ее глаза, и они на этом страшном окровавленном лице вдруг заблестели.

— Крис, — прошептала она, — как долго... как долго, Крис?

Я держал ее руки из последних сил. Голова ее беспомощно откинулась на стол, так что лязгнули зубы. Харея тяжело дышала.

— Нет, нет, нет, — она быстро роняла слова, и настало, что каждое из них будет ее последним словом. Потом снова началась агония. Казалось, это конец. Она дышала все тише и тише. Но вдруг лицо ее порозовело. Я ничего не понимал.

Харея открыла глаза, и наши взгляды встретились. Она обвела взором комнату, подняла голову. Было совсем тихо. За спиной, где-то совсем в другом мире, из крана капала вода. Харея поднялась на локтях. Села. Я пошевелился. Она наблюдала за мной.

— Ну, — сказал я, — что?.. Нет.. не удалось? Почему ты?.. Почему ты так смотришь?..

И вдруг перешел на крик:

— Почему ты так смотришь?!!

Воцарилась тишина. Она осмотрела свои руки. Пошевелила пальцами.

— Разве это я?.. — спросила она.

Харея медленно опустила ноги на пол и встала. Покачнулась, потом обрела равновесие и сделала несколько шагов. Все это она проделала, как в трансе. Смотрела на меня, но, казалось, не видела.

— Харея? — проговорила она. — Но.. Я... не Харея. А вот кто я?.. Харея? А ты, ты?!

Ее глаза вдруг расширились и загорелись странным огнем, на лице мелькнула улыбка и какое-то странное недоумение.

— Может быть, и ты? Крис! Может быть, и ты?!.

Я молчал и, гонимый страхом, прижался к шкафу.

Она опустила руки.

— Нет, — продолжала она. — Нет, потому, что ты боишься. Но, слушай, я больше так не могу. Я ничего не знала. Я и теперь ничего не понимаю, да и вряд ли когда-нибудь пойму. Это ведь непостижимо! Я, — она прижала сжатые руки к груди, — ничего не знаю, кроме, кроме Харея! Может быть, ты думаешь, что я притворяюсь? Не притворяюсь, честное слово, не притворяюсь.

Последние слова ее перешли в стоны. Задыхаясь, она опустилась на пол. В груди моей будто что-то оборвалось, я в один прыжок очутился возле девушки и обнял ее за плечи. Она оттолкнула меня, как бы защищаясь, и крикнула:

— Пусти! Пусти меня! Я тебе противна! Я знаю! Я так не хочу! Не желаю! Ты же сам видишь, что это не я, не я, не я...

— Замолчи! — крикнул я, тряся ее. Харея головой упиралась мне в плечо, а я, напрягая все свои силы, пытался привлечь ее к себе. Неожиданно мы оба замерли, тяжело дыша. Из крана равномерно капала вода.

— Крис, — прошептала она, прижавшись лицом к моему плечу, — скажи, что надо сделать, чтобы меня не стало, Крис...

— Перестань! — закричал я. Она подняла голову и посмотрела на меня в упор.

— Как?.. Ты тоже не знаешь? Неужели ничего нельзя сделать? Ничего?

— Харея... Скажи...

— Я хотела... ты же сам видел. Пусти, я не желаю, чтобы ты прикасался ко мне. Я тебе противна.

— Неправда! Ты не смеешь умереть. Я хочу, чтобы ты была здесь вместе со мной. И больше ничего мне не надо!

Огромные серые глаза глядели на меня испытующе.

— Как ты умеешь лгать, — сказала она совсем тихо. Я отпустил ее и встал. Харея сидела на полу.

— Скажи, что я должен сделать, чтобы ты мне поверила?

— Ты не можешь говорить правду. Ведь я не Харея.

— А кто же ты тогда?

Она долго молчала. Ее подбородок задрожал. Потом она опустила голову и прошептала:

— Но... я же знаю, что это неправда. Ведь то была не я... та, которую ты любил раньше...

— Да, но сейчас я люблю тебя. Понимаешь?

Она покачала головой.

— Ты добрый. Не думай, что я неспособна оценить всего, что ты сделал. Ты старался это делать как можно лучше, как только мог... Когда три дня назад я сидела у твоей постели и ждала, пока ты проснешься, я не знала ничего. Голова моя была как в тумане. Я не помнила, что было раньше, ничему не удивлялась, чувствовала себя, как после наркоза или продолжительной болезни. И была даже убеждена в том, что я действительно болела, только ты ничего не хочешь мне говорить. Однако последующие события заставили меня не раз глубоко задуматься. Знаешь, какие события? Мне уже кое-что стало ясно после того первого разговора в библиотеке с этим, как его, Снаутом. И когда ты не захотел ничего мне объяснить, я ночью встала и включила магнитофон. Я соглашалась тебе тогда в первый и последний раз, ибо после этого я спрятала магнитофон, Крис. Тот, который говорил, как его?

— Гибариан.

— Да, Гибариан. Уже тогда я поняла все. Честно говоря, дальше я уже ничего больше не понимала. Я не знала того, что я неспособна... что я... что все это кончится так... что конец не наступит. Об этом он ничего не рассказывал. Может быть, он дальше и говорил об этом, но ты проснулся, и я выключила магнитофон. Однако и того, что услышала, было вполне достаточно, чтобы понять, что я не человек, а всего лишь инструмент.

— Что ты говоришь!

— Да. Для исследования твоих реакций или чего-нибудь в этом роде. У каждого из вас есть такая, как я. Все это основывается на памяти или прежних представлениях. В конце концов ты все это знаешь лучше меня. Он рассказывал о таких страшных, таких неправдоподобных вещах, что если бы все это не подтвердилось, я никогда бы не поверила!

— Что подтвердилось?

— А хотя бы то, что мне не требуется сна и что мне всегда нужно быть вместе с тобой. Еще вчера утром я думала, что ты меня ненавидишь, и была очень несчастна. Какая я была дура! Но потом я поняла: что бы я ни сделала, для тебя это все равно будет пыткой. Я хотела тебе рассказать о своих переживаниях после того, как все поняла, прослушав магнитофонную запись. Может быть, это принесло бы тебе какую-то пользу... Пытаясь даже написать об этом... Но ничего не вышло. Ибо я все искала себя, знаешь, вот ту, совсем иную, и говорю тебе, я была какой-то безумной! Иногда мне казалось, что под кожей у меня совсем нет тела, что у меня одна лишь оболочка. Чтобы тебя обмануть, понял?

— Понимаю.

— Когда ночами лежишь с открытыми глазами, можно передумать очень многое, и знаешь... Я все же чувствовала свое сердце, а также помнила, что ты исследовал мою кровь. Скажи мне, какая у меня кровь, скажи откровенно. Ведь теперь ты можешь.

— Такая же, как у меня.

— Правда?

— Клянусь тебе.

— Что это значит? Знаешь, я думала, что это, быть может, спрятано где-то у меня внутри, что это... могло же оно быть очень крохотным. Но я не знала, где именно. Теперь я считаю, что это было большой глупостью, ибо я очень боялась того, что хотела сделать, и стала искать выхода. Но, Крис, если у меня такая же кровь... если это так, как ты говоришь, то... Нет, это невозможно. Ведь тогда бы меня больше не было, правда? Это значит, что все-таки что-то такое должно быть. Но где?

Возможно в голове? Но ведь я мыслю совсем обычно, буднично... и ничего не знаю... Крис, расскажи мне все, что тебе известно; может быть, мне все же удастся что-то сделать?

— Что сделать?

Молчание.

— Ты хочешь умереть?

— Очевидно, да.

Снова молчание. Я стоял рядом с ней, уставившись на свободную, ничем не занятую середину комнаты, на белые эмалированные грани медицинского оборудования, на разбросанные приборы и инструменты, будто искал что-то очень важное, чего никак нельзя найти.

— Харея, а ты мне позволишь что-то сказать тебе? Она ждала.

— Это верно, что ты не совсем такая, как я. Но это не значит, что ты хуже. Даже наоборот. В конце концов можешь думать об этом что угодно, но благодаря этому ты сейчас жива.

Какая-то детская жалкая улыбка появилась на ее лице.

— Значит ли это, что я бессмертна?

— Не знаю. Во всяком случае намного бессмертнее, чем я.

— Это ужасно, — прошептала она.

— Может быть, совсем не так ужасно, как тебе кажется.

— Но ты мне не завидуешь...

— Харея, скорее всего это... вопрос твоей судьбы, проблема твоей судьбы, так я это называю. Знаешь, здесь, на Станции, твоя судьба, по сути дела, так же туманна, как и судьба каждого из нас. Они хотят продолжать эксперимент Гибариана, и все может случиться...

— Или же ничего.

— Или же ничего. Скажу тебе, что я хотел бы, чтобы ничего не случилось — не из-за боязни, а потому, что это все равно ничего не даст. Это единственное, в чем я твердо убежден.

— Ничего не даст, но почему? Речь идет об этом... океане?

Она задрожала.

— Да. Об установлении контакта. Думаю, что по существу это очень просто. Контакт означает обмен какими-либо знаниями, представлениями, в худшем случае какими-нибудь результатами или положениями. Ну, а если нечем обмениваться? Если слон не является огромной бактерией, то и океан не является огромным мозгом. Очевидно, обе стороны способны на известное действие. В результате действия одной из сторон я сейчас имею возможность смотреть на тебя и думать, что ты

мне дороже тех двенадцати лет, которые я посвятил исследованию Солариса, и что я хочу всегда быть с тобой. Может быть, твое появление должно было стать пыткой для меня. Может быть, оно нужно было лишь, так сказать, для исследования под микроскопом. Может, это акт дружбы, может — вероломный удар в спину или попросту издевка. А возможно и то, и другое, и третье. Хотя лично мне кажется, что это совсем иное. Но какое это сейчас имеет значение! Ты можешь сказать, что от этого зависит наше будущее, и я полностью согласилась с тобой. Не могу предвидеть того, что произойдет. Так же, как и ты. Все может случиться, если случилось уже так много. Это зависит не от нас. Но мы все время будем вместе. Разве этого мало?

(Окончание в следующем номере)

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

Фрагменты из фантастической повести
(Окончание)

Следующие три недели тянулись, как один день, который непрерывно повторялся. Шторы поднимались, потом снова опускались. Ночи проходили в бреду. Мы рано вставали, и каждый день игра начиналась сначала. Но было ли это игрой? Я притворялся спокойным, и то же самое делала Харея. Это молчаливое согласие, когда оба прекрасно знали, что мы друг друга обманываем, было нашим последним убежищем. Мы уже успели наговориться вовсю о том, как будем жить на Земле, о том, что мы поселимся где-нибудь вблизи большого города, никогда не расстанемся больше с голубым небом и зелеными деревьями. Мы подробно обсудили, каким будет внутреннее убранство нашего будущего дома, каким будет наш сад. Даже успели поспорить о разных мелочах... о живой изгороди... дорожке... Верил ли я всему этому хоть секунду? Нет. Я знал, что это невозможно. Знал. Даже в том случае, если бы она сумела живой покинуть Станцию. На Землю может опуститься только человек, а о человеке свидетельствуют его документы. Первая же проверка превратилась бы в непреодолимую преграду. Тут же последовала бы попытка ее идентифицировать, прежде всего нас бы разлучили, и Харея была бы разоблачена. Станция была единственным местом, где мы могли быть вместе. Понимала ли это Харея? Наверно, понимала. Сказал ли ей кто-нибудь об этом? Судя по всему, что произошло, да.

Как-то ночью сквозь сон я слышал, как Харея тихонько пробудилась... Я хотел ее обнять, но прежде, чем я успел протянуть руку, Харея встала с кровати. Я услышал шаги босых ног. Меня вдруг охватил неясный страх.

— Харея? — прошептал я. Хотел крикнуть, но не решился. Я сел в кровати. Дверь в коридор была неплотно прикрыта, и тонкий луч света разрезал комнату. Мне показалось, что слышу приглушенные голоса. Неужели с кем-то разговаривает? С кем?

Я вскочил, но меня охватил такой страх, что ноги отказывались слушаться. Несколько мгновений я стоял, прислушиваясь, но вокруг было тихо. Медленно вернулся к своей постели. В висках стучало. Я стал считать. До-считал до тысячи и прекратил. Тут бесшумно отворилась дверь, Харея проскользнула в комнату и замерла, вслушиваясь в мое прерывистое дыхание. Я старался дышать ровно.

— Крис?... — тихо спросила она.

Я не отозвался. Она проворно скользнула в кровать. Я чувствовал, что она легла рядом, и не знаю, сколько времени лежала без движения. Пытался подготовить вопросы, но чем дальше, тем больше я понимал, что первым не начну. Через некоторое время, может быть час спустя, я заснул.

Утром было такое же, как всегда. Я наблюдал за нею только тогда, когда Харея не могла этого заметить. После обеда мы уселись рядом у выпуклого окна, за которым шли низкие рыжие облака. Станция плыла в них подобно кораблю.

— Харея, — спросил я тихо, — где ты была сегодня ночью?

— Ночью?

— Да.

— Тебе, видно, что-то приснилось, Крис. Никуда я не ходила.

— Никуда?

— Нет. Тебе, видно, приснилось.

— Может быть, — сказал я. — Да, может быть, это был сон.

Вечером, перед тем, как идти спать, я снова заговорил о нашем путешествии, о возвращении на Землю.

— Не хочу даже слышать об этом, — ответила она. — Не говори об этом больше, Крис. Ты же знаешь...

— Что?

— Нет. Ничего.

Когда мы уже были в кровати, она сказала, что хочет пить.

— Там на столе — стакан сока. Пожалуйста, подай мне его.

Она выпила половину и передала стакан мне.

— За мое здоровье, — она улыбнулась. Я выпил остальное. Сок показался мне почему-то соленым, но я не придал этому значения.

— Если ты не желаешь говорить о Земле, то что же другое может тебя интересовать? — спросил я, когда она потухла свет.

— Ты бы женился, если бы меня не было?

— Нет.

— Никогда?

— Никогда.

— Почему?

— Не знаю. Я был одинок десять лет и не женился. Не будем говорить об этом, любимая... — в голове у меня шумело, будто я выпил по меньшей мере бутылку вина.

— Нет будем, обязательно будем говорить. А если бы я тебя попросила?

— Чтобы я женился? Это невозможно, Харея. Мне ничего не нужно, кроме тебя.

Она склонилась надо мной. Я чувствовал ее дыхание на своих губах. Она обняла меня так крепко, что на мгновение прошла охватившая меня непреоборимая сонливость.

— Скажи это иными словами.

— Я тебя люблю.

Ее лоб коснулся моего плеча. Я ощутил дрожь ее ресниц и слезы на них.

— Харея, что с тобой?

— Ничего, ничего, — повторяла она все тише. Я пытался открыть глаза, но веки не слушались. Я не помню, когда заснул.

Меня разбудил красный свет. Голова была будто налита свинцом, а шея не поворачивалась, точно все позвонки срослись в одну кость. Язык был жестким и противным, я не в силах был им пошевелить. Не отвился ли я чем-нибудь, — подумал я, с трудом поворачивая голову. Протянул руку туда, где лежала Харея и нашупал холодную простынь.

Вскочил на ноги.

Кровать была пуста, и в комнате никого не было. Наверно, у меня был очень смешной вид, я шатался как пьяный. Шарил по стенам, заглядывал в шкафы... В душевой тоже никого не было. И в коридоре. Никого не было и в лаборатории.

— Харея!!! — закричал я, стоя посреди коридора и бессмысленно размахивая руками. — Харея... — позвал я еще раз, уже понимая...

Точно не помню, что произошло потом. Кажется, я полуголый бегал по всей Станции. Даже вскочил в ледник, а потом очутился у последнего склада и стучал кулаками по запертym дверям. Возможно, что я приходил туда не один раз. Ступеньки гулко отзывались под моими шагами, как барабан. Я несколько раз падал, подымался и снова куда-то бежал, пока не наткнулся на прозрачную защитную стену. За ней находился выход — двойные бронированные двери. Я налег на них со всей силой, кричал и молил судьбу, чтобы все это оказалось лишь сном.

Потом я очнулся в малой лаборатории. Я полулежал на холодной поверхности чего-то металлического. Рубашка была мокрой, волосы слиплись, ноздри и язык обижгал спирт. Снаут в своих замазанных полотняных брюках суетился у аптечки. Он что-то искал, грохоча инструментом и стеклянными пузырьками.

Вдруг я увидел его прямо перед собой — он пристально смотрел мне в глаза, согнувшись надо мной.

— Где она, Снаут?

— Ее нет.

— Но Харея...

— Нет больше Хареи, — сказал он тихо, но отчетливо и приблизил свое лицо к моему, будто ударил меня и теперь хотел узнать, остались ли синяки.

— Вернется... прошептал я, закрыв глаза. И первый раз не испытал ни малейшего страха. Призрачное возращение меня больше не пугало. Не понимаю, как я мог вообще когда-то бояться ее.

— Выпей вот это.

Снаут протянул мне стакан с теплой жидкостью. Я глянул на него и вдруг выплеснул содержимое стакана ему в лицо. Утираясь, Снаут отскочил назад. Я тут же очутился рядом с ним. Он был очень маленький и спуплен.

— Значит, это ты!?

— О чём ты говоришь?

— Не лги, ты знаешь, о чём. Это ты разговаривал с нею тогдa ночью? И велел ей дать мне сегодня снотворное.. Что ты с нею сделал! Отвечай!!!

Он стал шарить в карманах. Вытащил помятый конверт. Я вырвал его из рук Снаута. Конверт был заклеен, и на нем не было ничего написано. Я вскрыл его. Из конверта выпала вчетверо сложенная бумажка. Большие, немного детские буквы, неровные строчки. Я узнал их. «...Мильный, это я первая попросила его. Он хороший. Это ужасно, что мне пришлось тебе лгать, но иначе нельзя было. Ты можешь сделать для меня только одно — слушай его и не причиняй себе никакого зла. Ты был очень хорошим».

Внизу было одно зачеркнутое слово, я прочитал его: «Харея». Рядом с этим зачеркнутым словом еще стояла буква «Х» или «К». Но она превратилась в кляксу. Я перечитал письмо. Потом еще и еще раз. Мое сознание было уже слишком ясным, чтобы со мной случилась истерика, я не мог ни застонать, ни вскрикнуть.

— Как? — шепотом спросил я. — Как?

— После, Келвин, после. Держись.

— Я держусь. Рассказывай. Как?

— Анихиляция.

— Как же так? А аппарат?! — я вскочил.

— Аппарат Роче не годился. Сарториус сконструировал другой, специальный дестабилизатор. Небольшой. Он действовал лишь в радиусе нескольких метров.

— И что стало с нею?..

— Улетучилась. Молниеносно. Как ветром сдуло. И все.

— Ты говоришь, в радиусе нескольких метров?

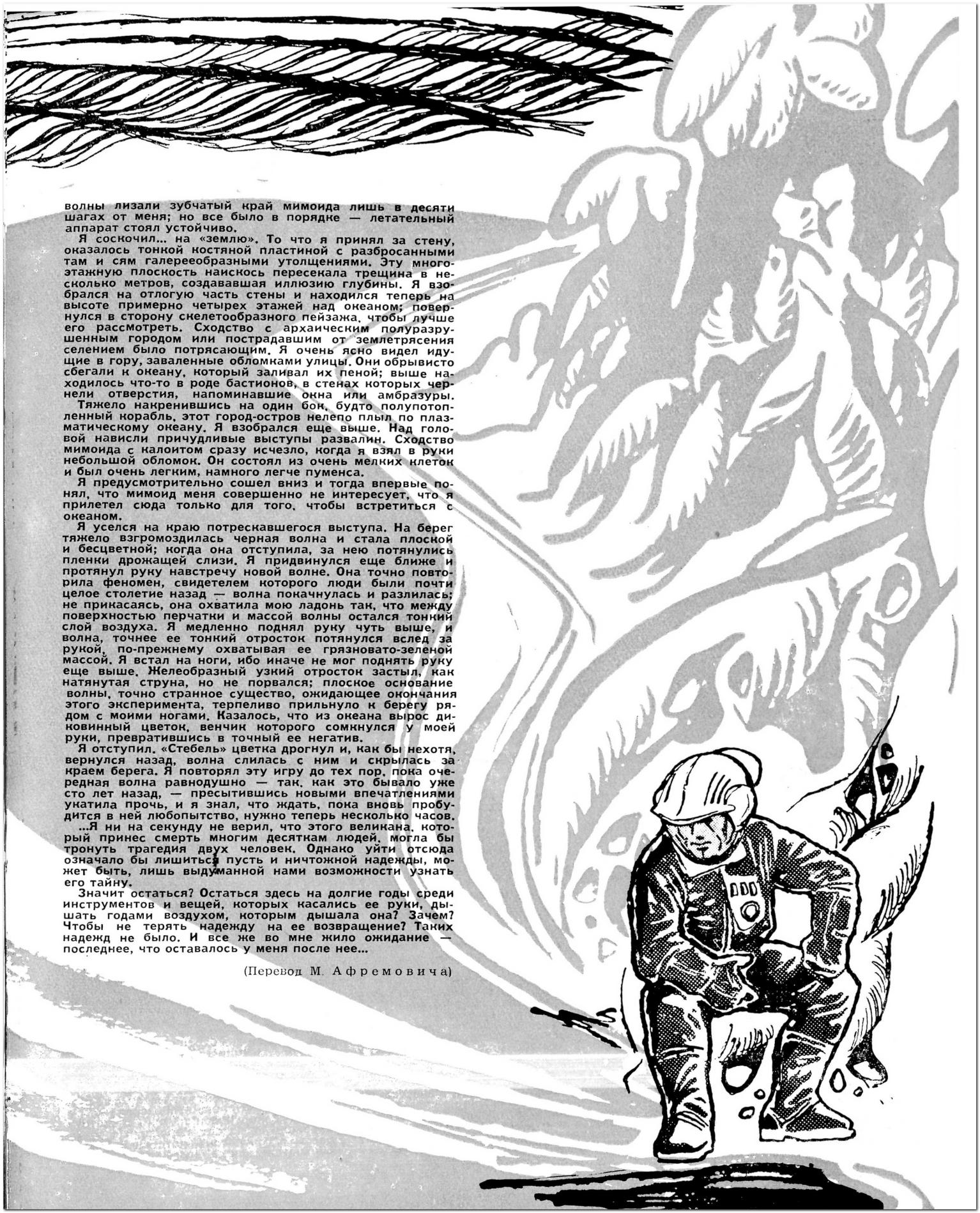
— Да. Для более крупного аппарата нехватило материала.

Мне вдруг показалось, что стены рушатся. Я закрыл глаза.

— Бог мой... она... вернется, вернется же...
— Нет.
— Почему нет?
— Нет, Келвин. Ты помнишь тот кипящий поток пены?
С тех пор больше они не возвращаются.
— Больше не возвращаются?
— Нет.
— Ты ее убил, — тихо сказал я.
— Да. А ты бы этого не сделал? На моем месте?
Я встрепенулся и начал шагать по комнате. Все быстрее и быстрее. До угла и обратно. Девять шагов. Повтор. Девять шагов.
Останавливаясь перед Снаутом.
— Слушай, давай пошлем донесение. Попросим прямого контакта с Советом. Это нам удастся. Они согласятся, они должны согласиться. Планета будет исключена из Конвенции четырех. Все средства дозволены. Установим генератор антиматерии. Думаешь ли ты, что существует что-то такое, что способно противостоять антиматерии? Ничего такого нет! Ничего! — кричал я победоносно.
— Ты хочешь его уничтожить? — спросил Снаут. — Почему?
— Уйди. Оставь меня одного!
— Не уйду.
— Снаут!
Я смотрел на него в упор. Покачав головой, он ответил «нет».
— Чего тебе надо? Что ты хочешь от меня? — он подошел к столу.
— Хорошо. Будем рапортовать. — я повернулся и снова начал шагать из угла в угол.
— Садись.
— Оставь меня в покое.
— Есть две вещи. Первая — факты, вторая — наше желание.
— Нужно ли нам сейчас об этом говорить?
— Да, нужно.
— Не желаю. Понимаешь? Это не мое дело.
— Последний раз мы посыпали донесение перед смертью Гибариана. Это более двух месяцев назад. Мы должны подробно рассказать обо всем, что случилось после появления...
— Прекрати! — я схватил его за плечи.
— Можешь меня побить, но я все равно буду говорить.
Я отпустил его.
— Делай, как хочешь.
— Дело в том, что Сарториус хочет умолчать о некоторых фактах. Я в этом убежден.
— А сам ты не хочешь?
— Нет. Теперь больше не хочу. Это касается не только нас. Ты знаешь, о чем речь. Он продемонстрировал разумные действия. Сумел произвести органический синтез наивысшей степени — такой, какого мы не знаем. Он знает строение нашего тела, его микроструктуру, метаболизм...
— Хорошо, — сказал я. — Почему ты остановился? Он провел над нами... над нами... серию экспериментов. Основываясь на знаниях, которые он выкрад из наших голов, ничуть не считаясь с тем, к чему мы стремимся.
— Это уже не факты и даже — не выводы, Келвин. Это всего лишь гипотезы. В известной степени он даже считался с теми желаниями, которые таились в некоей скрытой частице нашего ума. Ведь то могли быть и подарки...
— Подарки! Великий боже! Подарки! — я засмеялся.
— Замолчи! — заорал он, схватив меня за руку. Я крепко сжал его пальцы. Жал все крепче и крепче, пока не хрустнули суставы. Снаут глядел на меня сквозь полузакрытые веки. Он был совершенно спокоен. Я отпустил его руку и снова зашагал по комнате. Стоя лицом к стене, я сказал:
— Постараюсь обойтись без истерики.
— Это не имеет значения. Что мы предпримем?
— Скажи сам. Я сейчас не могу. Она что-нибудь говорила перед...
— Нет. Ничего. Что касается меня, думаю, что теперь увеличились возможности.
— Возможности? Какие возможности? Чего? А... — сказал я лишь, глядя ему в глаза, ибо вдруг все понял. — Контакт? Снова контакт? Тебе еще недостаточно — и ты, ты сам, и весь этот сумасшедший дом... вы хотите... Контакт? Нет, нет, нет. Без меня, пожалуйста.
— Почему? — спросил Снаут очень спокойно. — Келвин, ведь ты и сам до сих пор, и теперь, больше, чем когда-либо, инстинктивно относишься к нему, как к человеку. Ты его ненавидишь.

— А ты нет...
— Нет. Он же слеп, Келвин...
— Слеп? — переспросил я неуверенно.
— Очевидно, в нашем понимании. Мы оба не существуем для него в таком виде, как существуем друг для друга. Индивидуальность каждого из нас мы определяем по чертам лица, форме тела, по внешнему виду. Для него все это лишь прозрачная оболочка. Ему же довелось углубиться в наш мозг.
— Допустим. Но что из этого? Что ты хочешь сказать? Если он в состоянии оживить, создать человека, который вне моего сознания больше не существует, и сделать это так, что ее глаза, движения, ее голос... голос...
— Продолжай! Продолжай, слышишь!!!
— Продолжаю... продолжая... Да. Значит... голос... из этого следует, что он может читать нас, как книгу. Ты понимаешь, что я хочу сказать?
— Да. Он мог бы отлично нас понять.
— Конечно... Разве это не очевидно?
— Нет. Ничуть. Ведь он мог взять только продуктивный рецепт, который не состоит из слов. Там, в мозгу, ведь нет никаких слов, ощущений.
Человеческая память — это же изображения, которые языком нуклеиновой кислоты записаны на высокомолекулярных асинхронкристаллах. Таким образом, он использовал то, что в нас было наиболее ярко вытравлено, что было заключено поглубже, самые полные и глубокие отпечатки, понимаешь? И он отнюдь не обязан был знать, что это для нас значит. Какое все это имеет значение. Нечто подобное получилось бы в случае, если бы нам удалось создать симметриаду и забросить ее в океан; мы узнали бы ее архитектуру, технологию и строительные материалы, но не понимали бы какой цели она служит, какое значение она имеет для океана...
— Возможно, — сказал я. — Да, это вполне вероятно. В таком случае он совсем не... может быть, совсем не хотел нас унизить или издеваться над нами. Может быть. И только не желая...
У меня задрожали губы.
— Келвин!
— Да, да. Хорошо. Все уже в порядке. Ты хороший малый. Он тоже. Все хорошие. Но почему? Объясни мне. Зачем он это сделал? Что ты ей сказал?
— Правду.
— Правду, правду! Что конкретно?
— Ты же знаешь. Подойди теперь сюда. Составим рапорт. Подойди.
— Подожди. Чего же ты хочешь? Не желаешь больше оставаться здесь, на Станции..
— Хочу. Я хочу остаться!
...Впервые я один находился над океаном: теперь он производил на меня совсем иное впечатление, чем тогда, когда я смотрел на него из окон Станции. Может быть, причиной тому была небольшая высота полета — я находился всего лишь в нескольких десятках метров над волнами океана. Чувствовал, что маслянисто блестящие гребни волн своим ритмическим дыханием напоминают не прилив, а скорее движения какого-то зверя. Непрерывную, хотя и очень медленную пульсацию туловища гигантского зверя — вот что напоминали эти неторопливо катящиеся волны, играющие в красноватой пене.
Когда я сделал поворот, чтобы точно лежать на курс к лениво дрейфующему мимоидному острову, солнце вдруг ослепило меня. Оно засияло кроваво-красным светом на прозрачной части кабины, а океан стал чернильно-синим, и на его поверхности появились точки темных огоньков.
Мимоид оказался у меня за спиной, выделяясь на фоне океана большим светлым пятном. А вдали, как большой старомодный цеппелин, над самым океаном высилась наша Станция. Мимоидный массив со своим гротескным рельефом стал быстро расти прямо у меня на глазах.
Медленно, метр за метром я стал спускаться на дрейфующий остров. Мимоид был невелик. В длину он занимал примерно три четверти мили, а в ширину — несколько сот метров; в нескольких местах он уже заметно сузился и грозил там расколоться. Он определенно был частью какой-то более обширной формации, каким-то обломком, и один бог знает, сколькоими неделями или месяцами исчислялся его возраст.
Между прожилками хребтов над самым океаном я открыл нечто подобное берегу — плоскую поверхность площадью в несколько десятков квадратных метров. Там я и посадил свою машину. Это оказалось труднее, чем я себе представлял, ибо в неожиданной близости от океана вдруг выросла передо мной какая-то стена. Однако мне повезло. Я заглушил мотор и отодвинул прозрачный купол вертолета. Стоя на плоскости, я проверил, не грозит ли вертолету соскользнуть в океан, так как

волны лизали зубчатый край мимоида лишь в десяти шагах от меня; но все было в порядке — летательный аппарат стоял устойчиво.

Я соскочил... на «землю». То что я принял за стену, оказалось тонкой костяной пластиной с разбросанными там и сям галерееобразными утолщениями. Эту многоэтажную плоскость наискось пересекала трещина в несколько метров, создававшая иллюзию глубины. Я взобрался на отлогую часть стены и находился теперь на высоте примерно четырех этажей над океаном; повернулся в сторону скелетообразного пейзажа, чтобы лучше его рассмотреть. Сходство с архаическим полуразрушенным городом или пострадавшим от землетрясения селением было потрясающим. Я очень ясно видел идущие в гору, заваленные обломками улицы. Они обрывисто сбегали к океану, который заливал их пеной; выше находилось что-то вроде бастионов, в стенах которых чернели отверстия, напоминавшие окна или амбразуры.

Тяжело накренившись на один бок, будто полупотопленный корабль, этот город-остров нелепо плыл по плавматическому океану. Я взобрался еще выше. Над головой нависли причудливые выступы развалин. Сходство мимоида с калоитом сразу исчезло, когда я взял в руки небольшой обломок. Он состоял из очень мелких клеток и был очень легким, намного легче пуменса.

Я предусмотрительно сошел вниз и тогда впервые понял, что мимоид меня совершенно не интересует, что я прилетел сюда только для того, чтобы встретиться с океаном.

Я уселся на краю потрескавшегося выступа. На берег тяжело взгромоздилась черная волна и стала плоской и бесцветной; когда она отступила, за нею потянулись пленки дрожащей слизи. Я придинулся еще ближе и протянул руку навстречу новой волне. Она точно повторила феномен, свидетелем которого люди были почти целое столетие назад — волна покачнулась и разлилась; не прикасаясь, она охватила мою ладонь так, что между поверхностью перчатки и массой волны остался тонкий слой воздуха. Я медленно поднял руку чуть выше, и волна, точнее ее тонкий отросток, потянулся вслед за рукой, по-прежнему охватывая ее грязновато-зеленой массой. Я встал на ноги, ибо иначе не мог поднять руку еще выше. Желеобразный узкий отросток застыл, как натянутая струна, но не порвался; плоское основание волны, точно странное существо, ожидающее окончания этого эксперимента, терпеливо прильнуло к берегу рядом с моими ногами. Казалось, что из океана вырос диковинный цветок, венчики которого сомнулся у моей руки, превратившись в точный ее негатив.

Я отступил. «Стебель» цветка дрогнул и, как бы нехотя, вернулся назад, волна слилась с ним и скрылась за краем берега. Я повторял эту игру до тех пор, пока очередная волна равнодушно — так, как это бывало уже сто лет назад, — пресытившись новыми впечатлениями унатила прочь, и я знал, что ждать, пока вновь пробудится в ней любопытство, нужно теперь несколько часов.

...Я ни на секунду не верил, что этого великанана, который принес смерть многим десяткам людей, могла бы тронуть трагедия двух человек. Однако уйти отсюда означало бы лишиться пусть и ничтожной надежды, может быть, лишь выдуманной нами возможности узнать его тайну.

Значит остаться? Остаться здесь на долгие годы среди инструментов и вещей, которых касались ее руки, дышать годами воздухом, которым дышала она? Зачем? Чтобы не терять надежду на ее возвращение? Таких надежд не было. И все же во мне жило ожидание — последнее, что оставалось у меня после нее...

(Перевод М. Афремовича)